

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Макс MAX

ЧЕРНАЯ ЛУНА

Каждый решает сам, кем ему быть

Современный фантастический боевик (АСТ)

Макс Мах
Черная луна

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Черная луна / М. Мах — «Издательство АСТ»,
2021 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-135485-5

Это книга о пути. О том, что делает нас теми, кто мы есть, и о том, как меняет нас дорога, по которой мы идем. А еще это книга о выборе: о том, что выбираем мы, и о том, что выбирают для нас люди и боги, судьба и ее случайные обстоятельства. Герда ди Чента могла иметь множество разных судеб. Она могла стать избалованным ребенком в доме богатого аристократа или жертвой преступления, придворной дамой или беспощадной убийцей, могущественной волшебницей или удачливой наемницей, женой, дочерью, любовницей и подругой. Она могла стать кем угодно, но стала той, кто сам решает, кем ему быть. Черная луна – это и день, когда она появилась на свет, и символ ее судьбы, имя симпатизирующей ей Великой темной богини и прозвище самой Герды. Итак, приключения Герды ди Чента по прозвищу Черная Луна начинается там, где кончается сказка и начинается жизнь, как она есть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135485-5

© Мах М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Макс Мах

Черная луна

© Макс Мах, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 208

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Предупреждение

Следует иметь в виду, что география и история мира, описанного в данной книге, антинаучны. Все имена и географические названия случайны и антиисторичны. Все совпадения с реальными историческими личностями и подлинной историей человечества случайны, а магии не существует.

* * *

Один человек, овдовев, женился снова. У него была дочка – молодая девушка.

Шарль Перро (Неизвестный переводчик)

Жил-был один почтенный и знатный человек. Первая жена его умерла, и он женился во второй раз, да на такой сварливой и высокомерной женищине, какой свет еще не видывал. У нее были две дочери, очень похожие на свою матушку и лицом, и умом, и характером. У мужа тоже была дочка, добрая, приветливая, милая – вся в покойную мать. А мать ее была женищина самая красивая и добрая.

Шарль Перро (пересказала Т. Габбе)

Жил-был на краю леса дровосек. Жена у него умерла, и остался он один с маленькой дочкой. Жену и дочку он любил, но по прошествии времени женился вновь на женищине, у которой уже было две своих дочери. Три факта, да и те вранье. Во-первых, не дровосек, а лесник. И даже не просто лесник, а вовсе даже вальдмейстер – сиречь хранитель королевских лесов. Жена вальдмейстера действительно умерла, но смерть ее наступила от ран, нанесенных мизерикордом – трехгранным рыцарским кинжалом. Убийцу, впрочем, не нашли. Грешили на самого господина лесничего, но королевское дознание постановило, что жена вальдмейстера стала жертвой ограбления. Как бы то ни было, жену лесничий не любил, а дочь тихо ненавидел.

Источник неизвестен

Глава 1

Бедная сиротка

1

Утро началось плохо, что было, впрочем, вполне ожидаемо. Вечером в королевском замке должен состояться бал, и, значит, с раннего утра в доме барона Геммы дым коромыслом, бестолковщина и содом. Служанки носятся как угорелые, хлопочут камеристки, а челядь мужского пола – камердинер отца, комнатные лакеи и дворня – стараются не попадаться женщинам на глаза и, не дай бог, не заступить дорогу хозяйке и ее дочерям. И ведь это только начало. Часам к десяти начнут съезжаться модистки, портные и белошвейки, шляпники и перчаточники. И все это не считая сапожников, которые привезут шелковые туфли для мачехи и сводных сестер и парадные сапоги для отца, и ювелиров, ведь по случаю большого осеннего бала дамам нужны новые украшения. В общем, как показывал опыт, скоро в доме станет тесно, нервно и слишком шумно, не говоря уже о том, что попросту горько и обидно. Видеть, как другие собираются на бал, на который тебе не позволят взглянуть даже одним глазком, досадно и унижительно. И привыкнуть к этому нельзя, сколько себя ни уговаривай. Однако все так и обстоит: неродные дочери барона на бал пойдут, а родная – нет. И вот что особенно обидно. Никто этому не удивляется, ни король, ни знать. Словно никому в столице не известно, что у Корнелиуса Геммы три дочери. Одна родная и две – падчерицы. Знают, не могут не знать, но все равно молчат, как будто так и следует. А все потому, что никому до бедной сиротки нет дела. И после всего этого сидеть с ними за одним столом? Слушать, как они обсуждают, что наденут на бал и кого ожидают там встретить? Нет уж, увольте!

Герда не стала ждать, когда подадут завтрак, а наскоро перехватив на кухне стакан парного молока и краюху свежее испеченного белого хлеба, тихой мышкой выскользнула из дома и отправилась гулять. Можно было не сомневаться, что никто ее не хватится. Скорее всего, в поднявшейся суматохе домочадцы просто не заметят ее отсутствия, как не замечали все эти годы, но даже если вдруг обнаружат, что с того? Она им не нужна, они ей тоже. Каждый в этом доме сам по себе, и в большинстве случаев Герду это устраивает: раз *неродная*, так лучше без крайностей. Других сироток, как она слышала, мачехи держат в черном теле или, напротив, приближают к своим детям, но никогда не позволяют встать с ними вровень.

В этом смысле положение Герды было практически идеальным. Отец ее ненавидел, но из дому не гнал. Мачеха не любила, но не тиранила, а сводные сестры – старшая Элла и младшая Адель – попросту не замечали. Так что, как ни посмотри, грех жаловаться. Чужая, она тем не менее жила в доме не как «принеси, подай» и не «Христа ради». Ее одевали скромно, но не без намека на знатное происхождение: немного кружев, вышивка, серебряные застёжки и перламутровые пуговицы. У нее была своя довольно хорошая комната, и ела она за общим столом. Исключение составляли званные приемы. Когда в доме вальдмейстера¹ Корнелиуса Геммы появлялись гости, Герда к столу не выходила. В такие дни она вообще не покидала верхний этаж дома, где кроме нее жили старенький библиотекарь мэтр Бергт, личный секретарь отца господин Рёмер и гувернантка сводных сестер мадемуазель Лемуазье. Впрочем, это продолжалось только до тех пор, пока Герда не подросла. Лет в двенадцать она в первый раз без спроса покинула дом. Опыт оказался скорее положительным, чем наоборот, если не считать того при-
 скорбного факта, что в тот первый раз ее чуть не изнасиловали. Но бог миловал, на темной

¹ *Вальдмейстер* – в данном случае придворная должность – хранитель королевских лесов.

улице появилась ночная стража, и насильник предпочел за лучшее сбежать. Впрочем, страхи и опасения Герду не остановили. С того памятного дня она уходила из дому не только тогда, когда к отцу приезжали гости, но и во все прочие дни, если таково было ее желание. Однако дома ее ничего не держало, и желание уйти погулять никогда не проходило.

Впрочем, о том, что она часто и, разумеется, без спроса уходит из дому, домочадцы – и хозяева, и слуги – наверняка знали, но никто в ее жизнь не вмешивался. Всем было попросту наплевать. Поначалу это смущало Герду и даже ставило в тупик. Она долго не понимала, что к чему, – ведь вроде бы это хорошо, что ей предоставлена полная свобода, – а потом до нее дошло. Ее репутация, как, впрочем, и жизнь, никого по большому счету не волновали. Иди куда хочешь, делай что захочется. И вот сегодня ей захотелось пойти на бал в королевском замке, и она даже знала, как это сделать. Но праздник должен был состояться только вечером, а до тех пор Герде предстояло провести почти целый день на улице.

Особняк барона Геммы стоял почти посередине Липовой аллеи – широкой, обсаженной старыми деревьями улицы, одним концом выходившей на Гильдейскую площадь, а другим – на Королевскую милю. Был соблазн пойти именно туда, чтобы в очередной раз полюбоваться на замок на горе, но по здравом размышлении Герда направилась в Столярный переулок. Прошла до конца Липовой аллеи, пересекла Гильдейскую площадь и оказалась на Белом конце. Пробежалась мимо мастерских белошвеек, любовалась нарядными платьями в ателье госпожи Бриаль и, обойдя Старый собор, который перегораживал улицу, вышла наконец к Столярному переулку. Здесь располагались мастерские столяров и краснодеревщиков, но Герда шла не к ним, а к старику Эггеру, жившему на другом конце переулка.

Эггер, как заведено, уже что-то выстругивал в своей мастерской. Он не был ни белоде-ревщиком, ни мебельщиком, хотя тоже работал по дереву. Старик Эггер делал великолепные скрипки и виолы и был достаточно знаменит, чтобы получать заказы не только от известных музыкантов, но и от титулованных дворян. Герда познакомилась с ним случайно, когда искала убежище от внезапно обрушившегося на город ливня, и с тех пор была в его доме практически своей. Прибиралась, выметая стружки и смывая с пола и столов пятна лака, варила старику суп или просто болтала с ним обо всем на свете.

– Привет! – сказала она, входя в мастерскую. – Ты как? Как твоя поясница?

– Поясница болит, – улыбнулся старик, – но дела мои обстоят скорее хорошо, чем плохо. Смотри, какую красавицу я сделал для графа Юэ!

Скрипка и в самом деле была изысканно красива, аристократически изящна и сияла невероятным алым лаком.

– Красавица! – признала Герда. – А как звучит?

– А вот натянем струны и узнаем.

– Сварить тебе пока суп?

– Сегодня не надо, – отмахнулся Эггер. – Лучше сыграй что-нибудь классическое!

– Как скажешь, старик! – засмеялась Герда и пошла к спинету², который по прихоти хозяина стоял не в жилой части дома, а в мастерской.

Эггер был скрипичным мастером, но играть Герду на клавесине научил именно он.

– Вивальди? – спросила она, усаживаясь за инструмент. – Концерт ля-мажор, вторая часть? Или «Бабочки» Куперена?

– На твое усмотрение.

На свое усмотрение Герда выбрала «Хроматическую фантазию» Баха и, пока играла, как часто случалось с ней и раньше, забыла обо всем на свете. Вернее, ушла от повседневности в мир грез, где возможно даже невозможное...

² *Спинет* – небольшой домашний клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

...За обедом она все время злилась. И домочадцы, как сговорились, не переставали ее бесить. В говяжьей похлебке не хватало перца и шафрана, о чем Герда вежливо сказала слуге, разливавшему суп. Но за повара вступилась Элла, которую тут же поддержал отец. Все они утверждали, что похлебка получилась просто замечательная и что перца и шафрана в нее положено в меру. Герда не стала спорить, поскольку привыкла не связываться, но, когда еще и хлеб оказался черствым, она не смолчала. Однако сделала этим только хуже. Адель заметила, что некоторые изображают из себя знатных дам, хотя живут в доме из жалости. Герда вспыхнула, но вовремя взяла себя в руки.

«Глупость какая, – подумала она в раздражении. – Еще скажите, что я не знала этого раньше!»

Между тем обстановка за столом накалялась – бестактные замечания сводных сестер, холодный взгляд мачехи, презрительная усмешка отца – и в конце концов стала настолько невыносимой, что захотелось встать и уйти, но правила приличия сделать этого не позволяли. Герда осталась сидеть за столом, но только для того, чтобы ее снова унизили, теперь уже при разделке жаркого. Она выбрала себе взглядом аппетитный кусок, который по всем расчетам должен был достаться именно ей, но получила вместо него какой-то жалкий обрезок. И тогда ее охватил гнев. Рассудок уступил место чувствам, и, схватив с блюда разделочный нож, Герда полоснула им мачеху по горлу. Никто не успел и слова сказать, а Герда была уже рядом с отцом. Барон мог бы оказать ей сопротивление, но Герда была стремительна и не оставила ему ни единого шанса... Затем был зарезан заступивший ей дорогу слуга, а две замершие от ужаса «сестрицы» словно сами просили пресечь их никчемное существование.

А потом все кончилось, и Герда с любопытством осмотрела дело своих рук. Картина резни оказалась поистине ужасна: разгромленный стол, кровь, много крови, и мертвые тела... Но вот что любопытно. Она не испугалась. Напротив, внезапно Герда ощутила, как на нее нисходят покой и умиротворение.

«Какое счастье! – думала она, глядя на устроенную ею бойню. – И как это я раньше об этом не подумала! Давно надо было их всех убить...»

Увы, это был только сон. Музыка закончилась, и Герда очнулась от грез.

– Сегодня ты играла необыкновенно хорошо, – похвалил ее старик. – И у тебя, деточка, было такое одухотворенное лицо, что я чуть было не пустил слезу...

«Знал бы ты, Эггер, о чем я грезила на самом деле!»

* * *

К обеду она все-таки вернулась домой. Правила следует соблюдать, тем более что она все еще является несовершеннолетней дочерью барона Корнелиуса Геммы – человека жесткого, иногда жестокого, но готового предоставить ей невероятную для девушки ее возраста и положения свободу, лишь бы она играла по правилам. Герда старалась, она знала, что такое играть по нотам, – нотным знакам ее обучил все тот же старик Эггер, – как, впрочем, знала она и то, что такое импровизация. Поэтому ей до сих пор удавалось довольно ловко сочетать одно с другим, оставаясь в рамках приличий и в то же время творя все, что в голову взбредет.

Обед прошел спокойно. Без ужасов и кровопролития. И вскоре Герда снова обрела свободу идти, куда хочется, и делать все, что заблагорассудится. На этот раз она выбрала Игровое поле. Там, под западной стеной королевского замка, в это время обычно упражнялись солдаты гарнизона, но сегодня бились на мечах исключительно гвардейцы. Те, кто помоложе, знали Герду давно, звали по имени и даже немного с ней флиртовали, но никогда не переходили черты. А Герда любила смотреть, как они стреляют из луков и арбалетов или тренируются в

искусстве мечников. Она бы и сама с удовольствием поучилась чему-нибудь эдакому, но, увы, ей совершенно естественно не хватало для этого сил. Она никак не могла натянуть лук, взвести арбалет или поднять меч. Однако ей нравилось смотреть, как дерутся другие. Иногда Герда могла даже вообразить, что это она сама машет до ужаса тяжелым и восхитительно опасным куском железа. Увлекательное зрелище и переживания волнующие. Так что время пролетело незаметно, и она ушла с Игрового поля только тогда, когда начало смеркаться.

Наступил вечер, настало время волшебства. Время магии, чудесных превращений и колдовских чар. Но метаморфозы, как известно, не случаются сразу вдруг. Их надо тщательно подготовить и умело претворить в жизнь. Однако Герда не была ни колдуньей, ни ведьмой, и у нее, увы, не было крестной феи. Впрочем, Герда превращалась не в первый раз, а опыт – хороший проводник даже в темном лесу. Суть же ее чар была невероятно проста. Если сменить скромное девичье платье на хорошо сшитый наряд взрослой дамы, спрятать косу, надев шляпу с вуалью – или попросту заплести ее на взрослый манер, – встать на высокие каблуки, набросить на плечи шелковый плащ, тебя никто нипочем не узнает. Выдать может только лицо, но и с этой проблемой легко управиться, если наложить правильный грим...

2

Уйдя с Игрового поля, Герда отправилась в сторону Старого рынка. Добраться туда можно было двумя путями – коротким, идя напрямик, или длинным, через центральную часть города. Герда выбрала короткий, потому что не любила много таскаться пешком. Тем более, по мощенным булыжником улицам. Но у короткого пути имелись не только преимущества. Чем дальше она углублялась в безумный лабиринт Приречной слободы, тем уже и грязнее делались улицы, тем опаснее становилось там идти. Герда это знала и в глубине души опасалась, что рано или поздно любовь к простым решениям выйдет ей боком, но, с другой стороны, кто не рискует, тот стирает ноги о камень мостовых.

Вообще-то, ей надо было попасть на Продажную улицу, расположенную так, что, с одной стороны, она являлась неотъемлемой частью Приречной слободы, а с другой стороны, пройди улицу до конца, пересеки рыночную площадь, и ты уже в Чистом городе, в самом сердце Бегонии – квартала, в котором расположено большинство театров, дорогих гостиниц и самых известных в столице ресторанов. А неприятности поджидали Герду буквально в двух переулках от квартала Красных фонарей и Продажной улицы, делившей квартал надвое. Она как раз свернула в очередной переулок, когда на нее выскочил зареванный парнишка, по виду одних с ней лет или немного помладше.

– Тетенька! Тетенька! – запричитал он, глотая слезы. – Помогите, сделайте милость!

– Ну, какая я тебе тетенька! – хмуро ответила Герда. – Шел бы ты, пацан, просить милостыню в другом месте!

– Ох! – взмахнул руками парнишка. – Извините, барышня! Это я просто сослепу не разобрал. И я не побираюсь. У меня деньги есть, сам вам могу заплатить, только помогите!

– Ну что там у тебя стряслось? – Герда еще не знала, как поступить. То ли помочь, коли это в ее силах, то ли нет.

– Сестра с сеновала упала, – буквально прорыдал парень, в очередной раз сорвавшись на нерв. – Ногу сломала. Кость вот тут торчит, – показал он на себе. – И кровь идет. А она... Она сначала кричала, а потом сознание потеряла. Наверное, от боли. А дома никого нет. И все соседи ушли к замку смотреть на гостей короля.

Парнишка казался искренним, а его история – настоящей, и, хотя сердце подсказывало не верить, Герда все-таки решила помочь.

– Показывай!

– Ой! Спасибо вам, барышня! – запричитал парнишка, показывая дорогу во двор дома за углом. – Я уж совсем отчаялся. Думал, никто не поможет!

– Добрых людей больше, чем злых. – Зачем она это сказала? Бог весть. Но так ей тогда подумалось.

– Ваше слово, барышня, да богу в уши! Это здесь, – показал он на открытую дверь сарая, за которой теплился неяркий свет фонаря.

– Ну, пошли!

Герда вдруг засомневалась в своих благих намерениях – как бы к худу не привели, – но было уже поздно. Она вошла в сарай, парнишка за ней. Тут действительно на антресолях был устроен небольшой сенник. И фонарь, подвешенный на стенном крюке, освещал помещение. Вот только никакой несчастной девочки в нем не было и в помине. А позади Герды уже скрипнула, закрываясь, дверь.

– Ну, и где твоя сестра? – обернулась Герда.

Как ни странно, страха не было. Он, как и сомнения, покинул ее в тот момент, когда Герда окончательно поняла, что ее обманули.

«Нашел все-таки дурочку, сукин сын!»

– Ну, и где твоя сестра? – спросила, хотя знала уже ответ.

Но правила созданы для того, чтобы их соблюдать, и, следуя заведенному порядку, «курица» вроде Герды должна была задать этот вопрос. Вот она и спросила. И, разумеется, получила ожидаемый ответ.

– А нетути! – паренек уже не плакал, а напротив, улыбался, поспешно стирая с лица «всамделишные» слезы свободной рукой, в другой он держал длинный нож. – Дура ты, девка! Как есть коза. Деньги-то есть, или у тебя в кошельке камешки лежат?

– Два серебряных гротена, – честно ответила Герда и, сняв с пояса кошель, протянула грабителю.

– Клади на полку! – кивнул парень на прикрепленную к стене длинную полку, на которой были расставлены какие-то горшки.

Герда не стала спорить. Подошла к стене, положила кошель на полку и снова повернулась к парню. Сейчас, если она не ошибается, начнется самое интересное.

– Теперь иди туда! – приказал парень, указывая ножом на кучу сена, у противоположной стены, как раз под фонарем с масляной лампой.

– Зачем? – Герда предложению не удивилась, но решила все-таки уточнить.

– Не догадываешься? – усмехнулся в ответ парень.

– Нет.

– Ну, я тебе сейчас объясню, – улыбнулся мелкий ублюдок, парнишка был мелковат, но наверняка сильнее Герды. – А ты давай, не тяни время, ложись!

– Платье помню, – попыталась она воззвать к его жалости.

– Это меньшая из твоих бед, – отрезал ублюдок и приблизился, поигрывая ножом. – Ложись, кому сказано!

Герда легла.

– Подол подними!

– Ах, вот ты о чем! – сказала тогда Герда, задирая подол. – Так бы сразу и сказал, что собираешься меня изнасиловать.

– Не болтай! – остановил ее парень, с явным интересом рассматривая ноги Герды. Они у нее действительно были красивые. Длинные и ровные. Герда полагала, что в мать.

– А это что у тебя такое надето? – удивился между тем парень, показывая ножом на шелковые штанишки, которые начала недавно носить Герда, благо получила их в «наследство» от матери целую стопку. Шелковые, батистовые, шифоновые, и разного покроя.

– Это штанишки, – объяснила она мужлану, никогда не видевшему женского белья. – Мне их снять?

– Снимай!

Герда сняла штанишки, аккуратно положила их рядом с собой и развела ноги. Это был интересный опыт. Она еще никому – ну, кроме служанки и доктора Хольца – не показывала свое сокровище.

– Нравится?

– Да, – парень с трудом сглотнул слюну и, сделав пару шагов, приблизился к Герде почти вплотную.

– А может быть, отпустишь? – не слишком надеясь на успех, спросила она.

– Отпущу, – кивнул мелкий злодей, начиная к ней нагибаться. – Отымею пару раз и отпущу.

– Ну, как знаешь, – усмехнулась ему в лицо Герда, и в следующее мгновение в ее левой руке появилась наваха.

Щелкнуло, открываясь, лезвие, напоминающее формой медвежий коготь, и тут же – Герда была без замаха, – вошло насильнику в низ живота.

От боли и неожиданности тот отпрянул, а Герда уже перекатилась через плечо и вскочила на ноги.

– Что? – выпустив из рук нож, парень обеими руками схватился за пах. – Что ты сделала, сука?!

– Больно? – поинтересовалась Герда, осторожно обходя согнувшегося от боли парня.

– Сука! Ты! Ты!

– Я, я, – передразнила его Герда и, оказавшись, наконец, позади несостоявшегося насильника, нанесла смертельный удар в печень. Ударила, провернула клинок и поспешно отошла. Не хватало еще платье кровью заляпать.

– Я, между прочим, девственница! – сказала, наблюдая за агонией истекающего кровью человека, кровь у него шла даже изо рта. – А ты в меня своим членом пихаться вздумал! Козел!

Она отошла в сторону, надела снятые давеча штанишки, убрала в потайной кармашек, спрятавшийся в складках платья, смертоносную наваху, забрала свой кошель и, удостоверившись, что ее противник уже не оживет, покинула сарай. Несостоявшийся насильник стал первым человеком, которого она лишила жизни. Герда ожидала, что это событие потрясет ее до глубины души, но нет, ничего ужасного с ее душой не случилось. Даже угрызений совести не возникло.

Единственный вопрос, который занимал ее по дороге к дому Кирсы, это зачем она вообще взялась кому-то помогать? Парнишка, конечно, был замечательным актером и сыграл всю сцену довольно естественно. Во всяком случае, ей – дуре – хватило. Но разве это было ее дело, идти куда-то, спасать кого-то? А если бы там, в сарае, оказался еще кто-нибудь? Не один этот ублюдок, а несколько таких же? Ответ был на удивление прост: если бы их там было несколько, сейчас на сене в сарае лежала бы она, голая, изнасилованная и с перерезанным горлом...

* * *

Пользоваться навахой ее научил старик Эггер. Он же подарил Герде нож. Эггер, вообще, был добр к ней. Учил всяким разностям, а знал и умел он много такого, чего скрипичные мастера обычно не знают и не умеют. Рассказывал истории одна интереснее другой. В общем, очень быстро после первого знакомства стал для нее едва ли не любимым дедушкой. И Герда платила ему взаимностью. Прибиралась в доме, помогала варить клей и скрипичный лак, гото-

вила, чему он же ее и научил, и зашивала прорехи на одежде. Она даже обштригивала иногда заготовки, из которых он потом вытачивал детали скрипок, альтов и виол.

Однажды, когда старик полировал деку будущего альты, он спросил Герду:

– Так ты ходишь по городу одна?

– Одна, – ответила Герда, не слишком хорошо понимая, зачем он ее об этом спросил. – С кем же мне еще ходить? Гувернантки у меня нет, друзей, ну, кроме тебя, Эггер, тоже.

– Ты странная девочка, – сказал он тогда. – Дочь барона, а гуляешь в таких местах, куда порядочные девушки никогда не заходят. Не страшно тебе?

– А что такого? – удивилась Герда, которая, несмотря на частые прогулки по городу, в некоторых вопросах все еще оставалась наивной, как ребенок, которым на самом деле она и была.

– В городе много опасных людей. Особенно в Приречной слободе и на Медовой горке, а ты, случись что, даже постоять за себя не сможешь.

Герда задумалась. То, что городские улицы могут быть опасны, она уже знала. Но не сидеть же из-за этого в четырех стенах? Там скучно, тесно и то и дело натыкаешься на кого-то из домочадцев...

– Так что, мне теперь из дома не выходить?

Вот тогда старик и показал ей наваху.

– Это очень опасное оружие, девочка, но его удобно носить с собой, – сказал он, раскрывая нож. – Лезвие короткое, но поверь мне, длиннее тебе и не надо. Возьми, – протянул он нож Герде, – почувствуй его в руке.

– Что скажешь? – спросил через минуту.

– Я девочка, Эггер, и я выросла в баронском доме. Меня драться на ножах никогда не учили. Что я буду делать с твоей навахой?

– Защищать жизнь, – пожал плечами старик. – Или честь. Или и то, и другое вместе. А научиться может любой, надо только захотеть. Ты хочешь?

– Да, – решила тогда Герда, – я хочу.

И старик начал учить ее приемам боя с навахой. Как, где и при каких обстоятельствах сам он овладел этим смертоносным искусством, Эггер никогда не рассказывал. Впрочем, Герда его и не спрашивала. Понимала, что не стоит. У каждого есть свои скелеты в шкафу, – ну, кроме, детей и ангелов господних, – и не след проявлять к ним нездоровый интерес. Тем более что к делу это никакого отношения не имело, учителем старик оказался отменным, и вот сегодня Герда впервые воспользовалась его наукой. Рука не дрогнула. Силы хватило. И ударила она именно туда, куда метила. Прав оказался Эггер, девушка должна уметь себя защищать – или очень быстро перестанет быть девушкой. Возможно даже живой девушкой.

За мыслями об Эггере и сегодняшнем происшествии Герда незаметно дошла до дома Кирсы, расположенного в самом конце Продажной улицы. Оттуда уже недалеко было до Бегонии с ее ярко освещенными улицами, оперным театром и варьете «Парадиз». Только рыночную площадь перейти, и ты уже там. Но по эту сторону площади текла совсем другая жизнь. Квартал Красных фонарей потому так и называется, что красные фонари висят здесь едва ли не на каждом доме. И дом, куда направлялась сейчас Герда, от других в этом смысле ничем не отличался. Он был невелик и стар, но все еще производил приличное впечатление. Первый этаж снимали у Кирсы три девушки, зарабатывавшие на жизнь известным делом. Не веселый дом, – для настоящего заведения, как объяснила ей Кирса, шлюх маловато, – но что-то сильно на него похожее. Сама домовладелица прежним ремеслом уже почти не занималась, включаясь в игру, только если кому-то из гостей не хватало подружки, и он мог заплатить за ее компанию приличные деньги. Впрочем, Герда ко всем этим стыдным делам отношения не имела. Она лишь снимала у Кирсы крохотную каморку на втором этаже, куда можно было попасть по скрипучей деревянной лестнице с заднего двора.

В комнате этой Герда никогда не спала, да в ней и кровати не было. Некуда ее там было поставить. Всей обстановки: стол, стул и табуретка. На столе свечи в дешевых подсвечниках, квадратное зеркало, баночки с гримом, кисточки и прочая мелочь. А на колышках, вбитых в стену, висят в холщовых чехлах два плаща и три платья – два попроще и одно шикарное. Шляпы лежат одна на другой, пристроенные на табурете в углу. Там же, в углу, ютится и обувь, прикрытая чистой простыней. Вот, собственно, и все.

Герда зажгла свечи, сняла платье и села к столу. Посмотрела на свое лицо – к сожалению, она и вполтину не была так красива, как ее мать, – и принялась за дело. Косу сегодня она прятать не собиралась, но вот заплести ее следовало иначе. Не по-детски, а на женский лад.

– Что-нибудь вроде лассарской короны, как думаешь? – спросила она себя вслух.

– Да, пожалуй, – решила после недолгого раздумья и, распустив волосы, принялась творить свое небольшое волшебство.

Плетение лассарской короны – непростое ремесло. Делать же эту прическу самой себе и того труднее, но Герда тренировалась не первый месяц и в конце концов научилась.

«Если не будет другой возможности, наймусь к кому-нибудь камеристкой или куафером, – думала она, сооружая себе прическу, достойную королевского дворца. – А кстати, бывают ли куаферы женщины? Надо бы узнать...»

Вообще-то, лассарская корона лучше всего смотрится на блондинках. У Герды же волосы были светло-русые, но проблема эта, как показывал опыт, решаемая. Перед плетением она натерла волосы соком, добытым из листьев сизой потравы, которой полно на любом кладбище, и в результате получила невероятный эффект. Ее волосы словно бы посветлели, и среди них вроде бы появились седые прядки. Неожиданно и очень красиво, но главное – вся эта красота легко смывается теплой водой с мылом.

– Отлично! – признала Герда, придирчиво осмотрев свою прическу. – Теперь лицо.

Кожу лица она натерла «холодными сливками»³ и покрыла тонким слоем снежно-белой пудры из Надира. Положила на губы темно-вишневую помаду и сурьму на брови и ресницы, отчего потемнели даже ее прозрачно-голубые глаза, и вот он образ «знатной иностранки». Молодая женщина, но никак не девушка-подросток. Однако женщина – это отнюдь не только лицо.

Вместо короткой нижней рубашки Герда надела ушитое по фигуре бюстье – она была чуть тоньше своей матери, – не забыв вложить в него сшитые как раз на такой случай мешочки, набитые хлопковой ватой. После этого и платье, сшитое когда-то в княжестве Борго и предназначавшееся для куда более зрелой женщины, село на Герду как влитое. Туфли на высоких каблуках – Герда училась ходить в них и танцевать почти целый месяц – добавили ей еще четыре дюйма⁴ роста, а шелковая полумаска, которую она наденет позже, окончательно превратит Герду в таинственную незнакомку. В другого человека. В молодую женщину с другой судьбой.

– Весьма! – решила Герда, изловчившись посмотреть на себя в небольшое настольное зеркало.

Конечно, и платье, и плащ с капюшоном, вообще, все, что надела сейчас Герда, было сшито не меньше чем пятнадцать лет назад. Но мода, – думала она, – понятие относительное, да и меняется она в достаточной мере хаотично. То, что модно сейчас в Эриноре, не обязательно является таковым в Лассаре или Горанде. Иди знай, может быть, в Горанде снова в моде фасоны, кружившие женщинам головы в Эриноре лет пятнадцать-двадцать назад?

– Время! – напомнила себе Герда и, закрыв дверь, покинула дом.

³ Считается, что знаменитый врач древности Гален создал смесь из спермацета, воска, миндального масла и воды, называемую «кольдкрем» – «холодные сливки».

⁴ 4 дюйма = 10,16 см.

– Не то чтобы я лезла в чужие дела, – сказала ей Кирса, стоявшая возле калитки, – но ты ведь в курсе, милая, что женщинам такого класса платят не серебром, а золотом?

– Спасибо, Кирса, – улыбнулась Герда. – Не бойся, я не продешевлю...

О такой возможности она еще никогда не думала, но это не означает, что не подумает впредь.

«Отчего бы и нет? – размышляла она, направляясь в сторону Бегонии. – Другие же продаются, а чем я лучше этих женщин?»

Она пересекла пустынную в этот час Рыночную площадь, прошла по короткому чистенькому переулку, – там она, наконец, надела полумаску, – свернула в другой точно такой же – и в результате вышла на улицу Черных рейтаров сбоку от «Северной красавицы» – одной из самых дорогих и известных далеко за пределами города гостиниц. Теперь она могла взять извозчика, – а их здесь всегда было несколько, – и все будут думать, что она знатная иностранка, остановившаяся как раз в этом отеле. Однако жизнь иногда подкидывает неожиданные подарки. Не успела Герда пройти по улице и двух десятков шагов, как рядом с ней остановилась карета, украшенная незнакомым гербом.

– Надеюсь, мадемуазель, вы направляетесь в королевский замок?

Через окно кареты к ней обращался симпатичный молодой человек в офицерском мундире с золотыми галунами. На эрне⁵ он говорил сносно, но с ужасным акцентом.

– Вы крайне догадливы, генерал, – улыбнулась из-под капюшона Герда.

– Увы, я пока не генерал, – молодой человек покинул карету и остановился перед Гердой, он был высок и широкоплеч, и от него хорошо пахло. – Разрешите представиться, мадемуазель, граф Иван Давыдов. К вашим услугам!

– Вы из Московии? – заинтересовалась Герда.

– Мы называем свою страну Гардарика, – поправил ее офицер.

– Гардарика? Ну, конечно! Какое у вас звание? – продолжила расспрашивать Герда.

– Лейб-гвардии поручик. Но, – улыбнулся граф, – я ответил уже на три ваших вопроса, мадемуазель, а вы ни на один.

– Во-первых, граф, вы ответили всего на два вопроса, – уточнила Герда. – Остальное вы сообщили из вежливости. А во-вторых, вы задали мне пока всего один вопрос, и я на него ответила. Впрочем, извольте. Да, поручик, я направляюсь на королевский бал. А теперь скажу вам, как вежливый человек вежливому человеку. Я из Горанда. Эдле Маргерит ди Чента. Услуги не предлагаю, ибо неприлично. И предупреждая ваш следующий вопрос: нет, у меня нет своей кареты.

– О! – восхитился внимательно выслушавший ее длинную отповедь граф. – Какая удача. Моя карета в вашем распоряжении, эдле, и позвольте мне перейти на горанд, его я знаю много лучше.

– Спасибо! Ваше предложение с благодарностью принимается, – ответила Герда, переходя на знакомый собеседнику язык.

– Позвольте предложить вам руку, мадемуазель?

– А кстати, с чего вы взяли, что я барышня, а не вдова или не убеленная сединами матрона? – спросила Герда и, опершись на руку молодого человека, поднялась в карету.

– Интуиция, – коротко ответил граф, последовав за ней.

– Итак, – сказал он через мгновение, – судя по вашему безупречному эрну, вы в Эриноре не в первый раз?

– Вы проницательны, поручик, – улыбнулась Герда. – Вам удалось догадаться об этом с первого раза.

– Вы смеетесь надо мной?

⁵ Эрн – язык королевства Эринор.

- Есть возражения?
- Похоже, что нет.
- Ну, и славно! – завершила обмен репликами Герда, однако новый знакомый и не думал замолкать:
 - Надеюсь, вы не обидитесь на меня, если я скажу, что вы очень необычная девушка.
 - В чем же заключается моя необычность? – раз уж начала, приходилось продолжать.
 - Вы раскованны, уверены в себе, ведете разговор на равных и к тому же невероятно отважны.
 - Это эвфемизм? – усмехнулась в ответ Герда. – Это вы, граф, меня так в дурости упрекнули?
 - Ни в коем случае! С чего вы взяли?
 - Села в карету к незнакомому мужчине...
 - Вот я и говорю, что вы решительная и смелая девушка.
 - Почему вам знать, сударь, а что, если так и есть, и у меня в складках платья спрятан стилет?
 - У вас есть стилет?
 - Отчего бы не быть? Я путешествую одна... А что касается моей раскованности... Что, если я путана? Ведь может такое случиться?
 - Нет! – твердо возразил ей собеседник. – Не может. Вы уж извините, эдле, но, чтобы купить такую девушку, как вы, не хватит ни одного из известных мне состояний. А я их, уж поверьте, знаю немало. И размеры этих состояний иногда достигают невероятных величин.
 - Это комплимент?
 - Ну, разумеется, комплимент!
 - Хорошо, я подумаю, – усмехнулась Герда, мысли которой неожиданно повернули куда-то не туда.
 - «А что, если и в самом деле? – подумала она лениво. – Сколько может стоить моя девственность?»
 - О чем, простите? – граф ее не понял, но Герда была готова все объяснить ему своими словами.
 - Подумаю о том, сколько может стоить моя любовь...

* * *

Как легко, оказывается, вскружить голову галантному кавалеру.

«Даже странно, – думала Герда, пока карета везла их с Иваном на замковый холм, – он ведь меня даже толком не рассмотрел. Просто не мог. Тогда что он увидел? Кого?»

Она знала ответ. Он мог увидеть высокую женщину в темно-синем плаще и в капюшоне, накинутом на голову так, что даже лица не рассмотреть. Подол платья, на три ладони выступающий из-под плаща, да высокие каблуки, время от времени мелькающие из-под подола при ходьбе. И тем не менее вот она, Герда, едет в графской карете на бал к королю. Без приглашения и без вedomо грозного отца, ненавистной мачехи и безразличных сестер. Свободная и счастливая. Не ограниченная ничем: ни правилами, ни запретами, ни совестью. У тени нет и не может быть совести, а Герда всего лишь бесплотная тень. На привидение не распространяются запреты, но кто она, если не «развоплощенный дух»? Она есть, потому что скоро появится на балу у короля, где ее сможет увидеть любой человек, но в то же время ее нет, потому что в природе не существует женщины, которая сейчас направляется на бал.

- Вы давно из Горанда?
- Нет. Приехала только сегодня, – улыбнулась Герда, откидывая капюшон на спину. – Видите, даже карету арендовать не успела.

– Но приглашение на бал получить успели.

– С чего вы взяли? – Ее удивление было искренним. – У меня нет приглашения во дворец. Я еду туда только, чтобы погулять в парке, посмотреть на гостей короля и послушать хорошую музыку.

– Тогда я приглашаю вас пойти во дворец со мной, – предложил граф. – У меня есть приглашение.

– Seriously? – заученным движением подняла Герда бровь. – Я вас этим не стесню?

– С чего бы? – улыбнулся молодой человек, почти дословно повторив ее собственную реплику. – У меня нет пары, а приглашение выписано, как водится, на два лица.

– Даже не знаю... – задумалась Герда.

– Соглашайтесь! – попросил граф. – Говорят, там будет весело. Я познакомлю вас с земляками. Но обещайте, что первый танец мой!

– Я могу пообещать вам что угодно, – рассмеялась Герда, – но танцую я скверно.

– Не верю!

– Скоро сможете убедиться сами.

– Значит, вы согласны составить мне пару?

– Согласна, но на продолжение не рассчитывайте! Я скромная девушка и не разделяю разнузданных нравов современной молодежи.

Откуда взялась эта фраза? Бог весть...

– Но ухаживать-то за вами можно? – не унимался москвит.

– В рамках приличия, – согласилась Герда.

– Разумеется.

– Тогда ухаживайте, я не возражаю.

На самом деле, Герду несколько удивляло настроение графа Ивана. Она не считала себя по-настоящему красивой. Во всяком случае, она твердо знала, что уступает в этом смысле не только своим сводным сестрам, но даже их матери, и уж точно не может равняться со своей матерью, чью девичью фамилию она с такой легкостью присвоила себе в этот вечер. Тогда с чего вдруг такое воодушевление?

«Впрочем, – решила она, – о вкусах не спорят. Может быть, он эстет или извращенец, о которых писал Ибн Сина⁶, и ему нравятся как раз такие девушки, как я?»

Между тем карета миновала запруженную народом Королевскую милю, взобралась мимо любопытствующих горожан на Замковую гору – скалистый холм, на котором находилась резиденция эринорских королей, – и через распахнутые ворота во внешней стене въехала на Гвардейский плац. Налево и направо от этой просторной и ярко освещенной сейчас фонарями и факелами площади открывался вид на аллеи королевского парка, где среди декоративно подстриженных деревьев, кустов роз и клумб неспешно прогуливалась чистая публика, не удостоившаяся, однако, приглашения на бал в самом замке. Карета миновала мощный гранитными плитами плац и проехала через ворота во внутренней стене. Здесь уже графу пришлось предъявить гвардейцам свиток королевского приглашения, но задержка длилась недолго, и вскоре Герда покинула карету и, опираясь на галантно предложенную руку своего неожиданного кавалера, последовала в Новый дворец.

Слуга принял у нее плащ, и Герда впервые взглянула на себя в ростовое зеркало. Платье матери, которое она надела сегодня, было поистине роскошно и предназначалось как раз для событий, подобных балу в королевском дворце. Фрепон – нижнее платье – из узорчатого, расшитого золотой нитью дамаскета светло-синего цвета, и полупрозрачный, кобальтовой синевы и тоже расшитый золотом шелковый modest, оставляющий открытой переднюю часть нижнего платья с квадратным консервативным декольте и каскадом шелковых бантов, спускавшихся

⁶ Имеется в виду «Канон» Ибн Сины, в котором этот средневековый врач среди прочего описывает и половые извращения.

по лифу до самого подола. Такое платье не требовало дополнительных украшений, но одно у Герды все-таки было. На шее у нее был повязан узорчатый темно-синий в тон верхнему платью бант, скрепленный старинной, темного золота брошью, украшенной довольно крупным сапфиром. Такие же сапфиры, только меньшего размера, свисали сейчас с мочек ее ушей на тоненьких золотых цепочках. В этом наряде Герда действительно выглядела кем-то другим. Другим человеком, незнакомой женщиной, но основное воздействие достигалось не платьем и не высокими каблуками туфель.

Трудно сказать, чем был вызван такой эффект, но сок сизой потравы, который должен был всего лишь немного осветлить ее волосы, вместо этого превратил Герду в пепельную блондинку. При этом кожа лица поражала практически идеальной белизной, на которой темно-красные губы казались еще ярче, чем должны были быть по ее задумке. И в дополнение ко всему в прорези шелковой маски смотрели потемневшие под длинными черными ресницами голубые глаза. Красавицей она от этого, разумеется, не стала, но внимание на себя должна была обратить. И, как тут же выяснилось, обратила.

Стоило им с графом, на руку которого она по-прежнему опиралась, войти в первый из парадных залов, как на ней сошлись взгляды множества людей. В основном, естественно, мужчин. Но со смешанными чувствами, легко читаемыми в их взглядах, смотрели и женщины.

– Вы произвели сильное впечатление, – шепнул Иван, чуть склонившись к Герде. – И на меня, если вам это интересно, эдле, тоже.

– Я польщена, – сухо ответила Герда, которую совершенно неожиданно для нее самой охватило чувство тревоги.

Что-то было не так с этим местом или с этим временем, или, быть может, с этими людьми. Понять, что к чему, она не могла, но ощущение тревоги не уходило, а напротив усиливалось по мере того, как они с графом углублялись в недра дворца. Как и любая жительница столицы, Герда мечтала оказаться однажды в королевском дворце. И вот она здесь среди всего этого великолепия, но не может наслаждаться моментом или восхищаться окружающей ее поистине королевской роскошью. Она в смятении, в замешательстве и недоумении, и боится одного – впасть в панику и разрушить неверным движением то волшебство, которое сама же так долго и с таким старанием создавала, чтобы в конце концов оказаться гостьей на балу в королевском замке.

– Разрешите, эдле, представить вам моего старинного приятеля князя Друцкого!

Слова Ивана вырвали Герду из состояния, близкого к ступору, и она нашла в себе силы улыбнуться новому знакомцу. Оказывается, граф Давыдов подвел ее к небольшой группе москвитов и вентийцев, которых связывали между собой давние дружеские отношения. Последовали взаимные представления, галантные комплименты от мужчин и колкие замечания от женщин. Однако за те несколько минут, когда Герда вынуждена была вести с этими незнакомыми ей людьми вежливый, ни к чему не обязывающий разговор, ее тревога незаметно ушла, исчезло охватившее ее было смятение, и даже недоумение по поводу этого странного состояния рассеялось, как не бывало. И, напротив, стоило ей под первые звуки вальса выйти с графом Иваном в круг, как ее охватило совсем другое чувство. Это был подъем, восторженное воодушевление и ощущение невероятной свободы, когда способен без преувеличения буквально на всё.

По-видимому, ее состояние не укрылось и от ее партнера.

– Могу поспорить, эдле, что еще пару минут назад вы были чем-то сильно озабочены, а сейчас вы едва не светитесь от... Не знаю, право, что бы это могло быть. Возможно, это музыка или танец, но я отчетливо вижу ваш свет, и он прекрасен.

– Куртуазно, – улыбнулась Герда приятному ей молодому мужчине. – Эдак вы, граф, меня в грех введете!

– Грех? – переспросил Иван, легко подхватывая заданный Гердой игривый тон. – Что вы такое говорите, эдле! Разве можно так легко бросаться настолько тяжкими обвинениями?

И пошло. Она скажет фразу, он ответит, и так слово за слово весь танец. Возможно, этот милый флирт продолжался бы и дольше, но после вальса Герду пригласил в круг сначала какой-то эринорский придворный, которого она раньше нигде не встречала, затем князь Друцкой, а после него полковник Нидберг, неоднократно бывавший в доме ее отца, но с ней лично не знакомый. Танцевать оказалось интересно и приятно даже при том, что в самом начале Герда опасалась выдать неловкими движениями свою недостаточную подготовку. Все, что она знала о танцах, было приобретено с помощью кражи – подглядыванием за теми счастливыми, кого приглашали на балы и музыкальные вечера. А всему, что она умела, Герда научилась, самостоятельно разучивая танцевальные па под воображаемую музыку. Так что ее сомнения относительно своей способности составить подходящую пару приглашавшим ее на танец мужчинам были вполне основательными, но живой опыт «движения под музыку» довольно быстро доказал, что ее страхи были напрасными. Она двигалась в такт музыке, с легкостью позволяя партнерам вести себя в танце, и, судя по всему, не ошибалась в выполнении тех или иных па.

В результате настроение у Герды взлетело ввысь, еще больше подогретое несколькими бокалами шампанского, которое она пила впервые в жизни. Однако не будешь же рассказывать галантно ухаживавшему за ней графу Ивану или принцу Максимилиану, который тоже заинтересовался таинственной незнакомкой, что на самом деле ей всего шестнадцать лет, и она впервые попала на бал. Шампанское же оказалось дивным напитком, и, если бы не остатки здравого смысла и осторожный патронаж со стороны красавца-москвиты, Герда пила бы его не переставая. Алкоголь ожидаемо ударил ей в голову, но, к счастью, до настоящего опьянения дело все-таки не дошло. Голова Герды кружилась не столько от игристого вина, сколько от музыки, чувства свободы, легкости, с которой она принимала многочисленные комплименты от совершенно незнакомых ей мужчин, от ревности и зависти, которые она читала в глазах женщин, в том числе и в глазах своих сводных сестер, которые ее, как ни странно, так и не узнали. Единственными людьми, проявившими к ней беспричинную враждебность, оказались ее отец, который, благодарение богам, тоже ее не узнал, и король, с которым она, естественно, не была знакома, хотя и видела пару раз издали во время торжественных процессий. Что уж там такого увидели в ней двое этих столь не похожих один на другого мужчин, можно было только гадать. Герде казалось, что все дело в платье, но полной уверенности в этом у нее, разумеется, не было. Однако факт налицо: что один, что другой смотрели на нее зверем. И от их взглядов ей становилось по-настоящему страшно.

Тем не менее вечер прошел великолепно, да и закончился неплохо. Граф Давыдов, составлявший ей компанию во все время бала, – он просто никуда от нее не отходил – отвез Герду к гостинице, около которой они познакомились в ранних сумерках. Дождался, пока она войдет в фойе, и уехал. Она же улыбнулась ночному портье, заговорщицки приложила палец к губам и, выскользнув из гостиницы, поспешно вернулась в свою каморку на Продажной улице, чтобы перед рассветом тенью прокрасться в отчий дом – спасибо слугам, никогда не закрывавшим дверь на задний двор – и, как хорошая девочка, лечь спать в свою девичью постель в комнате на третьем этаже.

Глава 2

Королевская справедливость

1

Утро началось хорошо, что, впрочем, было вполне ожидаемо, после такой захватывающе интересной ночи, какую провела Герда. К завтраку, что не странно, никто не встал, всех утомили ночные приключения. А вот Герда, проспавшая всего пару часов, как это ни удивительно, чувствовала себя этим утром просто прекрасно. Жаль только, что бодрость эту, как и хорошее настроение, ей некуда было деть. В город идти рано, да и не к кому, если честно. Старик Эггер поехал к заказчику, чтобы передать тому готовый инструмент. Кирса и ее девочки отсыпаются после ночной работы. Королевские гвардейцы тоже, наверное, не выйдут сегодня тренироваться на Игровом поле. Они всю ночь охраняли покой короля и его гостей, так что отпадали и они.

Герда умылась, причесалась и, спустившись на кухню, привычно запаслась хлебом, баклажкой молока и куском твердого овечьего сыра. Как всегда, никто не спросил ее, где она «будет кушать», и «не хочет ли молодая барышня» на завтрак чего-нибудь более существенного, чем хлеб и молоко. Сестер бы спросили, ее – нет. Слуги ведь не дураки, они все видят и все понимают. Поэтому зла Герде не сделают – не велено, – но и служить, как служат другим хозяевам, не будут.

«Ну, и бог с вами!» – вздохнула про себя Герда, забрала еду и отправилась в «логово».

«Логово» являлось ее личной тайной, но самое любопытное, что никто из домочадцев, кажется, даже не подозревал, какое сокровище скрыто у них прямо над головой. А дело, как нередко случается в жизни, было связано со случаем. Герда не помнила своей матери, а если и помнила, то настолько смутно, что не смогла бы теперь отделить реальные воспоминания от своих фантазий и грез наяву. Баронесса Александра-Валерия Гемма умерла, когда Герде было всего четыре года. Тогда ее жизнь переменилась раз и навсегда, но насколько серьезны эти перемены, Герда узнала только через год, когда, выдержав положенный законом срок траура, Корнелиус Гемма привел в дом новую жену и двух ее дочерей. Тогда же Герда лишилась своей чудесной детской комнаты, переселившись со второго – господского – на третий этаж, где обитали странные и совершенно незнакомые ей люди. Но прошло еще несколько долгих лет, прежде чем Герда окончательно осознала всю глубину своего несчастья. Отец был холоден с ней, мачеха равнодушна, а сводные сестры упорно не желали принимать ее в свои детские игры. Сменились домашние слуги. Старые, знавшие Герду с рождения и хорошо знакомые ей самой, неожиданно исчезли из дома, а новые – не то чтобы третировали ребенка, но легко доводили ее до слез своим высокомерием. Оказалось, что в собственном доме – а она в то время все еще считала его своим, – ей нигде нет места, и никто ей в этом доме не рад.

Одиночество и неприкаянность неприятные чувства, в особенности когда ты всего лишь маленькая девочка. Чужие люди, недобрые взгляды, незаслуженные замечания... Не удивительно, что ей все время хотелось остаться одной, спрятаться ото всех, стать невидимой, но укромных мест в огромном особняке на Липовой аллее было не так уж много. И кроме того, долго оставаться незамеченной в любом из них – например, в кладовке рядом с кухней или на верхнем пролете черной лестницы – было невозможно. Кто-нибудь туда непременно зайдет. Но однажды – ей тогда было уже чуть больше десяти, – желая убраться подальше от посторонних взглядов, Герда поднялась на самый верх черной лестницы, на небольшую площадку, находившуюся выше потолков третьего этажа. И вот, сидя там наверху, она вдруг сообразила,

что рядом с ней, за кирпичной стеной и закрытой на замок прочной дверью находится неисследованный ею и редко посещаемый взрослыми мир чердака.

Проникнуть в этот таинственный мир оказалось совсем непросто, но Герда с этим справилась. Она нашла другой ход в помещение под высокой, крытой сланцевыми плитками крышей – крошечный люк в потолке чулана, в котором служанки держали метлы, ведра, тряпки и прочие нужные для уборки дома вещи. В обычное время этот закуток никто не посещал, а забраться под потолок можно было, используя хранившуюся тут же лестницу-стремянку. Так Герда попала на чердак и обнаружила, что он доверху забит всякими ненужными, но крайне интересными вещами, среди которых легко было спрятаться. Здесь, под мощными подстропильными балками было тихо и по-своему уютно, и брошенная девочка создала себе среди брошенных вещей замечательное убежище. Уютную норку, в которой можно было переждать собравшуюся в доме грозу, вволю поплакать или попросту ото всех спрятаться. Но прошло еще несколько лет, прежде чем она сообразила, что вещи, составленные у самой дальней стены, разительно отличаются от всех прочих собранных на чердаке сокровищ. Эти предметы мебели оказались совершенно новыми. Как и все на чердаке, их покрывал слой пыли, но даже пыль забвения не могла скрыть их красоты и изыска.

Комод, две шелковые ширмы, несколько сундуков, секретер, обитое дорогой тканью канапе и резной трельяж. Все совершенно новое и элегантное, насколько Герда могла рассмотреть в неверном свете свечи, и наверняка очень дорогое. Но и это еще не все. Кто-то – скорее всего, ее собственный отец – отправил на чердак всю эту мебель, даже не потрудившись освободить ее от содержимого. В сундуках и комод, сваленные как попало, лежали великолепные платья и плащи, изысканное нижнее белье, перчатки и шали, разнообразная обувь... Ящики секретера были полны старыми бумагами, письмами и всякими любопытными вещичками: перьями, лентами, палочками цветного сургуча, стопками красиво изукрашенных конвертов и листами хорошей писчей бумаги, безделушками и другим мелким «хламом». В одном из отделений секретера лежал, например, очень красивый и наверняка недешевый, отделанный перламутром и серебром театральный бинокль с лорнетной ручкой.

Как ни странно, среди этих брошенных как попало вещей нашлись даже деньги. В разных местах – в многочисленных шифлодах, ящиках и ящичках – отыскалось не меньше дюжины золотых монет: три имперские марки, четыре двойных флорина и еще несколько гульденов и дукатов. А серебра оказалось и того больше. Герда таких денег в руках никогда не держала. Ей на праздники давали иногда пару мелких серебрушек и все, а тут на нее сразу упало с неба целое состояние. Во всяком случае, для девочки-подростка это были очень большие деньги. А еще, перебирая и складывая брошенные без всякого уважения вещи, Герда нашла несколько брошей, правда не золотых, – кроме одного роскошного аграфа⁷ с сапфиром, – а серебряных, но хорошей работы и с изумительными камнями, и несколько пар золотых и серебряных сережек. Все оставлено кое-как, где попало, без футляров и не в шкатулках для украшений.

То, что все это принадлежало когда-то ее матери, Герда поняла, едва ознакомившись с некоторыми из документов, хранившихся в ящичках секретера. Единственное, чего она действительно не могла понять, это того, почему все эти вещи оказались «сосланными» в дальний угол чердака. Впрочем, ее занимал и другой не менее любопытный вопрос: каким образом сохранились нетронутыми сшитые из дорогих тканей платья, батистовое белье, лайковые перчатки или сапожки из тончайшей замши. Создавалось впечатление, что ни моль, ни другие насекомые или мыши вещей, принадлежащих ее матери, не трогали. Пыль лежала только на внешних поверхностях мебели, – да и то, на удивление, тонким слоем, – но внутри сундуков не было ни плесени, ни затхлости. Сохранились даже запахи духов и цветочной воды.

⁷ *Аграф* – застёжка в виде броши для причёсок, платьев. Аграф обычно имел вид пластины, венка, розетки с крючком и петлёй. При помощи аграфа крепили в причёсках перья, цветы, искусственные локоны.

Сначала найденные ею вещи интересовали Герду сами по себе. Она могла часами рассматривать потрясающе красивые платья при ярком дневном свете, льющемся через одно из трех слуховых окон. Перебирать белье и безделушки, копаться в старых бумагах, письмах и открытках. Но время шло, она росла, и однажды Герда захотела примерить платья на себя и по-настоящему разобраться в бумагах матери. Но коли так, одежду надо было привести в порядок, а содержимое секретера исследовать и рассортировать.

Болтаясь без дела по дому – ведь она, в отличие от сводных сестер, ничему толком не училась, не ходила в гости и не принимала гостей, не музицировала, не рисовала и не вышивала на пяльцах, – Герда научилась многим полезным вещам. И ей не составило труда аккуратно выстирать белье, почистить и проветрить платья, смазать жиром и начистить кожаную обувь, расправить и отутюжить помявшиеся поля шляп, заштопать прорехи, зашить разошедшиеся швы. Все это было ужасно интересно, увлекательно и гораздо лучше, чем игра в куклы. И все это можно было делать прямо на чердаке, – там нашелся даже старый утюг, не говоря уже об иголках и цветных нитках, – поэтому Герде не понадобилось выносить свои сокровища на свет, и, значит, никто о них не узнал.

Гораздо сложнее оказалось передвинуть к свету довольно тяжелый, красного дерева трельяж, но и с этим она в конце концов справилась. Так что вскоре примерка материнского белья, ее туфель, платьев, шляп и плащей превратилась в самое увлекательное занятие, какое Герда знала в жизни. Тем более что, надевая то или иное платье, она могла представлять себя кем-то другим и грезить наяву, сочиняя истории невероятных приключений всех этих знатных дам, появлявшихся вдруг в глубине высоких зеркал.

Не менее интересным делом оказалась и разборка бумаг. Читать и писать ее научил по доброте душевной домашний библиотекарь мэтр Бергт. Он же тайком приносил ей из отцовской библиотеки интересные книги, не слишком заботясь при этом, подходит ли это чтение Герде по возрасту и полу. Однако многие письма и документы были написаны не по-эринорски, а на горанде – языке Великого герцогства Горанд, а то и вовсе на латыни. Но так уж вышло, что вскоре – ну, буквально через несколько лет – Герда овладела и этими языками. На горанде ее научил говорить и читать старик Эггер, который и сам был родом из тех мест. Он же обучил ее латыни, без которой невозможно было читать книги по музыке и разбирать нотные записи.

Вообще, жизнь любопытно устроена. Любое событие порождает другое, и чаще всего не одно, а целую цепь. И чем громче крик, тем дольше звучит эхо. Герда это знала и могла привести множество примеров из собственной короткой пока жизни. Когда она нашла вещи матери, это было просто интересно. Но одно за другим, и вскоре она уже начала примерять на себя доставшиеся ей в наследство платья. Судя по всему, ростом она пошла в мать, но у той бедра были шире и грудь полнее. На самом деле, грудь у Герды была совсем маленькая, но вскоре она сообразила, что эту проблему легко решить. В ящиках комода нашлось необычное белье, которое внешне напоминало корсет, но предназначалось не для формирования фигуры, а для поддержки груди. У тех, разумеется, у кого есть, что поддерживать. Но для тех, у кого поддерживать пока нечего, это белье – модистка мачехи сказала, что оно называется бюстье, – оказалось тоже бесполезно. В жесткие чашечки, которые и должны были, по идее, удерживать грудь, можно было что-нибудь положить. Герда вложила туда хлопковую вату. Получилось здорово, но ненадежно и несимметрично. Поэтому она сшила из батиста два мешочка одинакового размера, плотно набила их ватой и уже эти подушечки вложила в бюстье. И вот оно чудо: платье, сшитое на куда более крупную женщину, село на нее как влитое. Правда, перед этим Герда ушила его в бедрах, и вот тогда все стало действительно таким, как надо.

Несколько месяцев после этого Герда с невероятным упорством и трудолюбием переделывала гардероб матери под себя. Занятие, разумеется, увлекательное, но со временем у нее возник закономерный вопрос: если все это не носить, то зачем тогда со всем этим возиться? Обдумав ситуацию так и эдак, Герда решила, что, переодевшись, может свободно ходить по той

части города, куда юной девушке дорога заказана. Хорошо одетая светская дама может свободно зайти в кафе-кондитерскую или в модный магазин, пойти в театр на оперу или прокатиться на извозчике. Взрослым позволено много такого, о чем ребенок может только мечтать.

Несомненно, это была интересная мысль и ценная идея, но реализовать ее было отнюдь не просто. Во-первых, чтобы «выйти в свет», Герда должна была где-то переодеваться, и первой ее мыслью было обратиться за помощью к старику Эггеру. Но по здравом размышлении от этого варианта пришлось отказаться. Она там, на Столярной улице, уже примелькалась. Начнет переодеваться, обратят внимание и, бог знает, что подумают, не говоря уже о том, что среди соседей старика могут быть те, кому известно, кто она такая. Значит, следовало найти другое, менее приметное место. Например, снять где-нибудь в городе комнату. Но снять комнату стоит денег, и это во-вторых. Денег же у Герды было мало, хотя, возможно, она знала, где их можно взять. Во всяком случае, надеялась, что это так.

Когда, обнаружив сосланное на чердак сокровище, Герда начала передвигать мебель, чтобы стало удобно разбираться с вещами, то обнаружила за комодом портрет молодой красивой женщины, повернутый лицом к стене. Это было странно, если не сказать большего, но Герда была уже не маленькой девочкой и многое понимала, даже если об этом не говорили вслух. Имя ее матери в доме не упоминалось, а когда о ней спрашивала Герда – а она, особенно в детстве, не могла не спрашивать, – это не нравилось ни отцу, ни мачехе. И более того, однажды, попав под горячую руку, она услышала от отца такой оскорбительный ответ, что больше к нему с вопросами о матери не обращалась. Теперь же, наткнувшись на ее вещи, кое-как напиханные в ящики комода и в сундуки, которые, судя по всему, не менее поспешно были отправлены в изгнание, Герда окончательно уверилась, что сказанные отцом злые слова, возможно, являются горькой правдой. И найденный за комодом портрет, повернутый лицом к стене, ее уверенность только подтвердил. Ее мать, баронесса Александра-Валерия Гемма, при жизни была шлюхой. Она изменяла отцу и, возможно, прижила Герду от другого мужчины. Во всяком случае, это многое бы объяснило, в том числе и о незавидной судьбе Герды.

Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло. Портрет матери ей был без надобности, но, может быть, его можно было продать? Если бы Герде дали за него хотя бы пятьдесят золотых – ведь портрет явно писал хороший художник, – это могло бы решить все ее финансовые проблемы. Обдумав эту идею так и эдак, Герда пожала плечами, сняла полотно с рамы, свернула в трубочку и, спрятав под накидкой, отнесла к старику Эггеру. Старик посмотрел на портрет, тяжело вздохнул, словно принимал некое решение вопреки собственному желанию, и, сказав, что плохо разбирается в живописи, предложил сходить к его старинному другу – торговцу предметами искусства мэтру Густаву Бёклю. Галерейщик принял их необычайно радушно, по-видимому, он и в самом деле дружил с мастером Эггером, но, когда взглянул на портрет, то едва не потерял дар речи.

– Откуда это у вас? – спросил он, немного отдышавшись.

– Это досталось девочке в наследство от покойных родителей, – хладнокровно соврал Эггер. – А в чем, собственно, дело? Что тебя так удивило в этом портрете?

– О, мой друг! – воскликнул тогда негоциант. – Тут все загадка.

– Объяснишь нам, непосвященным?

– Да, да! – заторопился господин Бёкль. – Но скажите, милочка, вы его предполагаете продать? Если да, я дам вам за него хорошую цену. Очень хорошую!

– Сколько, например? – спросил Эггер.

– Тысячу золотых гульденов через год или семьсот прямо сегодня.

Услышав сумму, которую галерейщик предложил за портрет, Герда едва не закричала от радости. Она бы и закричала, но Эггер остановил ее, положив руку на плечо.

– В чем разница? – спросил он Бёкля.

– Это портрет молодой Александры ди Чента, написанный в Борго великим Бомбергом, – ответил негоциант, поворачивая полотно и показывая надписи, сделанные на оборотной стороне холста. – Почему в Борго? Почему сам Бомберг? Не знаю, но было бы любопытно узнать. А насчет суммы... все просто. В Борго или в Горанде этот портрет купят в тот же момент, как я выставлю его на продажу. Но здесь... Здесь, в Эриноре, его не продать. Те, кто разбирается в искусстве и имеет достаточно денег, чтобы заплатить за полотно Бомберга, купить этот портрет побоятся, потому что все, что связано с этой женщиной, чревато большими неприятностями. Так что или подождите до тех пор, пока я смогу переправить полотно в Горанд, и тогда я уверен, что смогу заплатить вам не меньше тысячи гульденов, или – если дама нуждается в средствах, – портрет куплю я, но уже за меньшую сумму.

«Дама» нуждалась в средствах и не нуждалась в портрете. Поэтому Герда получила за него семьсот восемьдесят золотых гульденов – Эггер умел торговаться – и дала слово, что никогда и никому не расскажет, кому продала этот портрет. Огорчало только одно оба – и старик Эггер, и мэтр Бёкль – наотрез отказались пересказывать *старые и крайне опасные сплетни*. Герда настаивала, но старики были непреклонны, и в конце концов ей пришлось с этим смириться. К этому времени она уже научилась узнавать страх в лицо.

* * *

Забравшись в «логово», Герда расставила принесенные с собой яства на старом ломберном столике, села на канапе и занялась неторопливым поглощением хлеба и сыра, запивая их молоком. Свое логово она соорудила под самым дальним от двери слуховым окном. Постепенно передвинула туда диванчик-канапе, трельяж и секретер. Устроила из старой мебели и прочей рухляди приличных размеров баррикаду, прикрывавшую ее уголок от запертой на замок двери. Расставила между стеной и секретером материнские сундуки, загородив их с другой стороны передвинутым туда комодом. В результате образовалось ее личное пространство – логово, в котором она могла проводить столько времени, сколько считала нужным. Впрочем, Герда не забывала об осторожности. Чтобы беспрепятственно выходить в город или предаваться грезам на этом самом канапе, большую часть времени она должна была проводить в доме барона Геммы так, чтобы, с одной стороны, домочадцы знали, что она все время где-то здесь, а с другой – чтобы как можно реже попадаться им на глаза. Поэтому время от времени она слонялась без дела то там, то сям, а потом уходила в свою комнату и читала там книги. Поскольку делала она это именно в то время, когда служанки убирали комнаты третьего этажа, то каждая из них хотя бы раз или два в неделю заставляла Герду сидящей у стола с раскрытой книгой. Так что все, кому следует, знали, что, хотя время от времени Герда и сбегает на волю, выходит она из дома нечасто и только днем. Про ее вечерние прогулки, как она надеялась, не знал пока никто, поскольку она нашла способ делать это практически незаметно. Она платила по паре грошей на нос дворовой девочке и мальчику-груму, практически круглосуточно обитавшему в конюшне, а те, когда ей это было нужно, оставляли открытыми дверь на задний двор и калитку, через которую можно было попасть в узкий переулок, образованный стенами особняков барона Геммы и его соседа. Но сегодня, сейчас ей даже прятаться не было надобности. После бала в королевском замке, дай бог, если домочадцы проснутся хотя бы к обеду.

А вот Герда, как ни странно, совсем не чувствовала усталости. И сна ни в одном глазу. Сидела на канапе и перебирала в памяти впечатления вчерашнего дня. Вспомнила среди прочего и сон наяву, пригрезившийся ей во время игры на клавесине. Прошлась по всем деталям, удивившись своей кровожадностью и той ненависти, которая, оказывается, пряталась в глубине ее «беззлобной» души. Но мысли о домочадцах в свою очередь заставили Герду задуматься о двусмысленности своего положения. Ведь, если правда то, что сказал ей барон Гемма и чему имелось достаточно косвенных свидетельств, он ей вовсе не отец. И тогда все как будто встает

на свои места – общая к ней нелюбовь, равнодушие, досада, – но, с другой стороны, возникает вопрос: что она вообще делает в этом доме? Отчего ее не выбросили отсюда, как приبلудную дворняжку? Но, возможно, все дело в том, кто является ее настоящим отцом? Вот это был вопрос так вопрос, но ни Эггер, ни его приятель галерейщик ничего относительно ее матери так Герде и не объяснили. Бояться? Но кого? Кто способен нагнать на людей такого страха, что они даже дочери этой давно умершей женщины побоялись пересказать бродившие когда-то по городу слухи? Король?

«Да, вот было бы славно однажды обнаружить, что я настоящая принцесса!»

О таком можно было бы даже помечтать, но отчего-то вдруг не захотелось. Настроение разом испортилось, и непонятно из-за чего. То ли из-за этой истории с загулявшей маменькой и неизвестным «папенькой». То ли из-за того мелкого ублюдка, которого она вчера зарезала. Или все дело в королевском замке, где она побывала вчера не случайно заглянувшей на огонек простушкой, а знатной иностранкой, с которой хотели потанцевать едва ли не все первые кавалеры столицы? Все может быть, но на сердце ощущалась неприятная тяжесть. Какое-то смутное томление в груди, невысказанное и неутоленное желание, которое нельзя ни облечь в слова, ни понять, но которое нельзя не удовлетворить.

Это странное состояние не оставляло ее в течение нескольких часов, когда Герда никак не могла себя чем-нибудь занять. Ни книги, ни платья, ни старые письма, написанные старшей сестрой ее матери, ничто не способно было отвлечь ее от тягостного ощущения потери, хотя она не смогла бы даже сказать, что именно потеряла, когда и где. И все-таки мало-помалу ей удалось справиться с так неожиданно испортившимся настроением, и она смогла даже спуститься к обеду. За столом, что естественно, обсуждали бал в королевском замке и среди прочего незнакомую молодую даму в изумительном синем платье, с которой танцевал даже наследный принц. Про принца, если честно, Герда ничего определенного не помнила. Помнила лишь то, что танцевала с ним и чуть позже пила в его компании шампанское. Но тогда, во время бала, он был для нее просто еще одним блестящим кавалером. Скорее всего, сам он ей не представился, а она его в лицо в тот момент не узнала. Но вот ее сводные сестры принца узнали и живо обсуждали сейчас его поведение на балу и то, как он кружил в вальсе таинственную незнакомку.

Слушать их рассказы о самой себе было невероятно приятно. Герду лишь тревожил вопрос, как так вышло, что за весь вечер никто ее так и не узнал, и отчего все решили, что она какая-то писаная красавица? Герда была симпатичной молодой девушкой, но вот красавицей никто, пребывая в здравом рассудке, называть ее не стал бы. И тем не менее так о ней сейчас и говорили ее равнодушные к ней настоящей сводные сестры.

– Она иностранка, – включилась между тем в разговор мачеха, молчавшая до этого момента, благожелательно выслушивая пустую болтовню своих дочерей. – Мне сказали, что она дворянка из Горанда, но на бал она пришла с компанией москвитов.

При упоминании о Горанде барон Гемма, выглядевший сегодня еще более хмурым и замкнутым, чем обычно, помрачнел еще больше. На Герду он по обыкновению даже не смотрел...

* * *

После обеда Герда ушла в свою комнату и до поздних сумерек читала «Систему природы» Карла Линнея⁸. Ее беспокойство то нарастало, то сходило на нет, словно привязанное к маятнику часов. Но к полуночи усталость взяла свое, и она заснула прямо за столом.

⁸ «Система природы» – одно из наиболее известных произведений шведского врача и натуралиста Карла Линнея (1707–1778) – представляет собой оригинальную классификацию трёх царств природы – минерального, растительного и животного.

Сначала ей приснилась мать. Она действительно была очень красива, даже красивее, чем на том портрете, который так удачно продала Герда. А еще она была одинока и несчастна. В глазах ее застыла печаль, и она что-то торопливо рассказывала Герде, но той не удалось разобрать ни единого слова. Она лишь расслышала тревогу в словах своей матери, предупреждение, может быть, даже страх, но видение было мимолетным. Возникло и исчезло, оставив по себе лишь отголосок события и ничего больше.

Потом был туман и смутные тени, стремительно перемещавшиеся в его клубящейся сизой мгле. Голоса. Запахи. Обрывки музыкальных партий. Слова, написанные черной и красной тушью на пожелтевшем от времени пергаменте. Прикосновения... Но затем все это исчезло, и Герда увидела саму себя, такую, какой она была накануне на королевском балу. Однако сейчас эта другая Герда находилась в «логове» на чердаке. Она зажгла свечи в тяжёлом бронзовом шандале, осветив темный, резного дерева материнский секретер. Поставив шандал на выдвинутую столешницу, женищина в синем платье открыла дверцы в верхней части секретера, выдвинула, а затем и полностью вынула верхний правый ящичек и, просунув руку в глубину открывшейся ниши, достала оттуда шкатулку из темного дерева, инкрустированную слоновой костью. Поставив ее рядом с шандалом, «другая» Герда обернулась и требовательно посмотрела самой себе в глаза...

Она проснулась рывком, словно выдернутая из сна чьей-то сильной рукой. Сердце в груди заполошно билось, как если бы от испуга или после долгого бега. За окном была глухая безлунная ночь, а на столе горела свеча, освещающая раскрытую книгу Карла Линнея.

«Вещий сон? – спросила себя не на шутку испуганная Герда. – Возможно. Впрочем, это можно проверить только одним способом».

Идти на чердак не хотелось. Ее отчего-то пугал возможный исход, и, положив руку на сердце, боялась она не того, что это был всего лишь глупый сон, а того, что в секретере матери действительно есть тайник. Однако Герде удалось перебороть свои неуверенность и страх, и вскоре она уже стояла рядом с секретером.

«Что ж, – сказала она себе через минуту, – ничего не делая, правду не узнать».

Она раскрыла верхние дверцы секретера и вынула тот ящичек, который «другая она» выдвигала во сне.

«Что теперь?»

Герда просунула руку в недра секретера, но, разумеется, ничего там не нашла. Глубина секретера не оставляла места для тайника. Вот разве что высота?

Пальцы нащупали деревянный свод и, подчиняясь интуиции, нажали на него. Тонкая дощечка поддавалась неожиданно легко и так же легко сдвинулась влево, а сверху на руку упало что-то тяжелое, оказавшееся на поверку той самой шкатулкой, которую Герда давеча видела во сне.

«Вот ужас-то какой! – испугалась она. – Это кто же мне тайну-то открыл? Мать покойница или фея-крестная?»

Шкатулка оказалась совсем небольшой и именно такой, какой приснилась. Почти квадратная, плоская, сделанная из какого-то темного дерева, инкрустированного слоновой костью. Открывать ее было страшно, но начав дело, негоже бросать его на полпути! Герда глубоко вздохнула, пытаясь унять разбежавшееся под гору сердце, выдохнула и, уже не колеблясь, открыла так напугавшую ее шкатулку. Внутри лежали овальная миниатюра, выполненная масляными красками на слоновой кости, и маленькая, но толстая книжица, надписанная на горанде «Дневник».

На миниатюре был изображен молодой мужчина в парадной офицерской форме. Его лицо показалось Герде знакомым, и, прикрыв глаза, она попыталась вспомнить, где она видела раньше этого человека, но ничего путного вспомнить так и не смогла.

«Интересно, сколько может стоить такая миниатюра?» – подумала она мимоходом, отложив в сторону портрет и взяв в руки «Дневник».

Пролистнула страницу, две. Прочла фразу, другую. Записи в дневнике делала ее мать. Она начала его за несколько месяцев до отъезда из Горанда, вела по дороге в Эринор и продолжала вносить новые записи – но уже гораздо реже – в течение года после свадьбы с Корнелиусом Гемма.

«Вот как? – удивилась Герда, выхватив несколько фраз из описания самой свадьбы, – Так «папенька» в ту пору не имел еще баронского титула?»

Дневник следовало внимательно изучить, но, по-видимому, не сегодня. Хотя Герде и было любопытно, что такого в этом портрете и в этом дневнике, что их пришлось прятать в особом тайнике?

Она поспешно собрала содержимое шкатулки в один из пустых кожаных кошель, доставшихся ей от матери, и, стараясь не оставлять следов, перепрятала в свою тайную сокровищницу. В стене, за одним из камней – он выпал сам собой, когда Герда пыталась вбить туда колышки для платьев, – находилась ниша, ее собственный тайник, в котором хранились несколько кошельков с золотыми и серебряными монетами, векселя банкирского дома «Горм и сыновья» на семьсот пятьдесят золотых гульденов и подорожная, с которой Герда собиралась когда-нибудь в будущем навсегда удрать из этого дома и из этого города. Подорожная, выписанная на имя эдле Александры-Валерии ди Чента девятнадцати лет от роду двадцать лет назад в городе Арона, что в Великом герцогстве Горанд, лежала в секретере матери среди прочих бумаг. Год выдачи подделать оказалось совсем несложно: и 1663 год превратился в 1685. Конечно, Герде всего шестнадцать лет, а не девятнадцать или двадцать, но выглядит она достаточно взрослой, чтобы не вызвать подозрений у пограничной стражи...

2

Весь следующий день Герда маялась от тоски и какого-то совершенно незнакомого ей душевного томления. Чего-то ей словно бы не хватало, было нужно, необходимо. Вот только Герда никак не могла взять в толк, что бы это могло быть. Не голод, не жажда и, скорее всего, не страсть. Во всяком случае, никакой влюбленности к кому бы то ни было она вроде бы не испытывала. То есть снова ничего конкретного, но томление плоти, насколько было известно из книг, это чувство более чем конкретное, потому что всегда направлено на определенного человека. Однако в том-то и дело, Герда не могла облечь свои чувства в слова. Потому, наверное, и мучилась, принимаясь то за одно, то за другое, но ничего не доводя до конца.

Вот так, не зная, чем бы себя занять, – поскольку все вдруг стало ей не интересно, обыденно и пресно, – Герда прожила этот день, и еще один, и следующий после него. Лучше ей, однако, не становилось. Скорее уж, наоборот, делалось хуже. А между тем по городу гуляли слухи о некоей таинственной незнакомке – чуть ли не иностранной принцессе, – появившейся на балу у короля и вскружившей голову не только знатному иностранцу – графу из далекой Московии, но и самому наследному принцу. В конце концов, слухи эти достигли и самой Герды. Об этом говорили за обеденным столом в доме барона Геммы, об этом же, не преминув по ходу рассказа подмигнуть хитрым глазом, поведала ей Кирса, да и королевские гвардейцы не переставали во всеуслышание обсуждать «неземные стати» горандской аристократки. Однако даже эти рассказы не утоляли неизвестно откуда взявшуюся жажду, утолить которую не представлялось возможным, поскольку Герда не знала, чем бы ее можно было унять.

Так продолжалось три дня, пока однажды Герда не посмотрела на Замковую гору. В тот день она бесцельно шаталась по городу и незаметно для себя оказалась вдруг на Королевский милье. Вывернула на широкий проспект из узенького переулочка, прошла несколько шагов с севера на юг и, непроизвольно подняв взгляд, увидела холм, внешнюю крепостную стену и королевский замок. И неожиданно безымянное чувство обрело плоть, и Герда поняла, что все дело в том, что ей очень хочется попасть во дворец. Нет, хочется – неправильное слово. Ей просто жизненно необходимо было оказаться во дворце, хотя, спроси ее кто-нибудь, зачем ей это нужно, она вряд ли смогла бы это объяснить. Наверное, поэтому в тот день она даже не подумала что-нибудь предпринять в этом направлении, но всю ночь не находила себе места, просыпалась и засыпала, ворочалась и не знала, что с этим делать. Ответ пришел к ней следующей ночью, когда во сне к ней снова пришла *другая Герда*. Эта Герда была чуть постарше и намного красивее, но это несомненно была она, та самая Герда, которая показала ей тайник в секретере матери. Женщина строго посмотрела на нее и сказала жестким, непререкаемым тоном:

– Не спрашивай, зачем. Просто делай! Я тебе плохого не посоветую. Ты должна попасть во дворец. Не важно как, не важно куда, но надо бы побыстрее, и лучше всего в тронный зал...

После той ночи она целый день ходила сама не своя. Разум твердил, что это безумие, но душа не желала его слушать, и, в конце концов, он сдался, отступив там, где властвовали одни лишь чувства. Итак, все было решено, но оставался вопрос: как ей попасть во дворец? Идеи, приходившие ей в голову, были одна сумасброднее другой, но все они были бесплодны, поскольку неосуществимы. А Герде нужен был верный план, такой, который можно претворить в жизнь...

* * *

Она появилась на Игровом поле в последний предвечерний час. Было еще светло, но воздух, как говорят в Эриноре, уже пах сумерками. Кое-кто из гвардейцев все еще стрелял из луков по ростовым мишеням, и там было на что посмотреть: длинный тисовый лук, – а он, и в самом деле, длинный, – дистанция триста футов⁹ и отточенные движения крепких молодых стрелков. В другое время и под другое настроение Герда наверняка уселась бы на пологом склоне старого вала и наблюдала за соревнованием лучников. Тренировка у них, едва начавшись, всегда превращалась в азартную игру «кто кого». Кто бьет точнее. Кто стреляет быстрее или, вернее, кто пустит больше стрел за одну минуту. И, разумеется, кто закинет стрелу дальше всех. Любопытное зрелище, особенно для тех, кто разбирается в вопросе. Герда разбиралась, хотя сама стрелять из лука, по очевидным причинам, не могла. Впрочем, она девушка, ей и не надо. А вот следить за ходом поединка ей очень нравилось. Впрочем, не сегодня. Сейчас ее занимали совсем другие дела, и поэтому она пошла к мечникам.

Присела рядом с отдыхающими гвардейцами, и слово за слово – со смешками, подхихиванием и непринужденной «стрельбой глазками» – между ними быстро завязался тот род веселого, ничего вроде бы не значащего разговора, который простолюдины называют пустым трепом или болтовней. Шумно, весело и практически ни о чем. Вернее, почти ни о чем, потому что, если барышня болтает с парнями, то в таком плетении словес всегда найдется место легкому флирту. А там – слово за слово – и флирт становится все напряженнее и острее. И поскольку Герда, норовившая обычно уйти от горячих тем и опасных намеков, на этот раз продемонстрировала не детское воодушевление, которому научилась у девушек Кирсы, то и гвардейцы пошли дальше. Переглянувшись и решив между собой, кому на этот раз светит девичья любовь, они быстро разошлись кто куда, и Герда осталась наедине с Питером Хоффом. Дала

⁹ 300 футов – чуть больше 90 метров.

воодушевившемуся парню подержать себя за руку. Искренно смутилась, когда другая его рука легла ей на бедро. Притворно испугалась, что их кто-нибудь увидит, и быстро согласилась с предложением убраться с луга под сень деревьев. Опушка крошечной березовой рощи находилась совсем рядом, буквально в нескольких шагах от них, и уже там, за первыми деревьями Герда позволила Питеру себя поцеловать.

Следует отметить, это был первый поцелуй в ее жизни, но она была так напряжена и взволнована, что даже не поняла, нравится ей это или нет. А между тем осмелевшие руки Питера начали приподнимать подол ее платья, и Герда поняла, что время пришло. Она разорвала поцелуй, рванулась из рук Питера и заорала во весь голос, что-то вроде: «Караул! Насилуют!» Швы на платье были подпороты заранее. В паре мест оно и вовсе было порвано, но прорехи до времени были прикрыты лентами, наметанными на живую нитку. Достаточно было рвануться посильней, и в жалкие лохмотья превратилось не одно только платье. Порваны оказались также нижняя юбка и сорочка из тонкого полотна. Ну, а царапины на предплечьях и на икрах ног она нанесла себе заранее.

Хофф ничего не понял – просто не успел, – он был обескуражен и дезориентирован. Так бывает даже с самыми смелыми мужчинами, когда женщина в их объятьях беспричинно начинает вдруг дико орать. Естественно, он тут же ее отпустил и сам в испуге отступил прочь, а освободившаяся Герда побежала в сторону замковых ворот. Она, разумеется, знала, какое впечатление может произвести девушка в разорванном платье, с криками бегущая через Игровое поле, и она своего добилась. На ее крик обернулись все, кто мог ее слышать, – очень много очень разных людей, – а в следующее мгновение верх над законным удивлением взяла дисциплина, и за дело взялись гвардейские сержанты. Все-таки гвардейцы короля не зря едят свой хлеб. Обучены они на совесть, и каждый из них – и в особенности сержанты – отлично знает, что и как должно делать в тех или иных обстоятельствах. В случае же с Гердой ситуация была очевидна, а правила поведения на редкость просты. Один из сержантов сразу же послал несколько гвардейцев в рощу за предполагаемым насильником, который, впрочем, и не думал бежать. Другой – догнал Герду, набросил ей на плечи свой плащ и попытался успокоить, отчего она совершенно неожиданно для себя расстроилась уже по-настоящему и зарыдала навзрыд. Такой – зареванной и икающей от рыданий, – с прядями волос, выбившимися из распустившейся косы, и в разодранном в клочья платье ее и доставили в замок, где Гердой занялся уже капитан гвардейцев барон фон Вальден. Человек он был суровый. Можно сказать, жесткий, но при том решительный, чего и требует от военного мужчины столь ответственный пост. Два-три вопроса, хмурый взгляд и решение, принятое исходя из очевидных обстоятельств:

– Следуйте за мной, сударыня! – сказано было с такой интонацией и таким властным голосом, что Герда даже не подумала ослушаться.

Идти пришлось долго, поскольку резиденция эринорских королей представляла собой не столько замок в обычном смысле этого слова, сколько небольшой город, в котором королевский дворец был пусть и центральной, но отнюдь не самой большой частью. Герда была в замке всего лишь второй раз в жизни и совсем в нем не ориентировалась. Поэтому она не знала, куда они идут, но совершенно неожиданно для себя вдруг обнаружила, что чем дальше они идут, тем легче становится у нее на сердце, в котором уже несколько дней кряду поселился изматывающий душу непокой. А когда вслед за капитаном фон Вальденом она вошла в тронный зал – тут уже трудно было ошибиться, так как на возвышении у дальней от входа стены стоял трон, а на троне сидел сам король, – то успокоилась окончательно, словно сделала что-то крайне важное и, безусловно, правильное. Что-то, что она обязана была сделать любой ценой.

– Ну, что там еще? – недовольно спросил король, скорее всего, не предполагавший в этот день и в этот час заниматься «справедливым судом».

– Ваше величество! – склонился в поклоне капитан фон Вальден. – Один из молодых гвардейцев учинил насилие над этой девушкой, и, учитывая ее статус, дело подлежит рассмотрению королевским судом.

– Статус? – нахмурился монарх. – Дворянка, что ли?

– Так точно, ваше величество.

– Хм... Насилие... э... доведено до конца?

– Никак нет, ваше величество.

– Ну, тогда все просто! – облегченно вздохнул король. – Пусть виновник принесет девушке извинения и посидит неделю-другую в тюрьме. Родителям пострадавшей принести положенное им по статусу извинение от имени короны и выплатить виру за нанесенное оскорбление... Ну, скажем, пятьсот марок серебром. Как ваше имя, милочка?

– Герда, ваше величество, – всхлипнула Герда.

– Кто ваши родители?

– Я дочь барона Геммы, ваше величество.

– Герда Гемма?! – Похоже, ее имя неприятно удивило короля. – Я же сказал твоему отцу, что не желаю видеть тебя при дворе!

– Я не при дворе, ваше величество, – Герда смиренно склонила голову, начиная понимать, что, возможно, придя на королевский суд, она допустила серьезную ошибку. – Я подверглась нападению... Барон фон Вальден сказал, что я должна свидетельствовать...

Король смотрел на нее сузившимися от бешенства глазами, и до смерти испугавшаяся этого взгляда Герда могла только гадать, с чем связана такая неприкрытая ненависть? Похоже, она заблуждалась по поводу возможного отцовства. Король ей кто угодно, но только не отец. Поражала лишь сила чувств, которую демонстрировал монарх, и абсолютная абсурдность ситуации. Чем таким могла разгневать короля ее покойная матушка, что тень монаршей ненависти легла теперь на ее дочь?

– Королевский суд? – неожиданно спросил венценосец, подавшись вперед, в сторону Герды. – Значит, ты хотела королевской справедливости? Что ж, госпожа Гемма, будет вам справедливый суд!

Король отвел взгляд, немного помолчал, что-то явно обдумывая, хотя, казалось бы, о чем тут думать, если он уже вынес решение?

– Насильника повесить завтра на рассвете, – нарушил он молчание. – Девушку безотлагательно отправить домой, присовокупив письмо к ее отцу с изложением всего случившегося и нашими извинениями. Всё!

Наступила тишина. Такого жестокого приговора никто не ожидал. Собственно, на это Герда и рассчитывала. Насколько она знала, за не завершенное насилие – то есть за не имевший места акт насильственного совокупления – еще никого никогда не приговаривали к смерти. Тем более к повешению. И уж точно не королевского гвардейца. В этом смысле первое, озвученное королем решение являлось самым обычным: не слишком жестким, но и не слишком мягким. Повешение же совершенно не вписывалось в известную всем традицию. Но король вынес другой приговор, и никто из присутствующих не посмел ему возразить.

* * *

Домой ее доставили закутанной во все тот же сержантский плащ и под эскортом двух хмурых гвардейцев. Барон Гемма удивился, но промолчал и продолжал молчать, пока не закончил читать переданное ему королевское послание.

– Благодарю вас, господа! – Аккуратно сложив письмо и положив его в карман, повернулся он к гвардейцам. – Передайте барону фон Вальдену мою благодарность и засвидетельствуйте неизменное чувство дружбы.

Он дождался их ухода и повернулся к Герде.

– Прошу вас, сударыня, незамедлительно покинуть мой дом и более в нем не появляться.

«Что?!» – сказать, что Герда была ошеломлена, значит, ничего не сказать. Это было потрясение сродни грому небесному, упавшему на ее голову с голубого безоблачного неба.

– Вы... – начала она дрогнувшим голосом. – Вы выгоняете меня из дому, отец?

– Я вам не отец! – отрезал барон. – Пора бы вам, сударыня, это понять! Вы жили в этом доме из жалости, но вместо благодарности лишь позорили мою семью и мое имя. Убирайтесь!

– Но... – Герда не знала, что и сказать. – Но куда же я пойду? Ночь на дворе...

– Туда же, куда вы постоянно уходите, – усмехнулся в ответ барон.

– Вон! – повторил он, равнодушно наблюдая, как по лицу Герды текут слезы.

– Но я ничего не сделала! – попыталась она отговорить своего бывшего отца от столь жестокого решения. – Это ведь он меня попытался изнасиловать!

– С порядочными девушками такого не случается, – холодно отрезал барон Гемма. – Но вы, сударыня, шлюха, как и ваша покойная мать!

– Милена! – щелкнул он пальцами, подзывая стоявшую поодаль служанку. – Проводи эту женщину в ее комнату и проследи, чтобы она собрала пожитки и, не задерживаясь, покинула дом!

Мысли Герды путались, из глаз текли слезы, сердце сжималось от чувства горькой обиды, и она даже толком не заметила, как поднялась в свою комнату, как переоделась в другое платье и собрала в узелок – никакой сумки у нее, разумеется, не нашлось, – самые необходимые вещи. Очнулась она уже на улице. Стояла, кутаясь в плащ и прижимая к груди свой жалкий узелок, и пыталась осознать размер свалившегося на нее несчастья. Увы, беда, случившаяся с ней – и по ее собственной вине, – была столь огромна, что сознание Герды не способно было ее охватить.

В своих фантазиях Герда давно уже рассматривала возможность бегства из опостылевшего ей «отчего» дома и из этого богом проклятого города, но планы эти относились к отдаленному будущему. Она никак не предполагала, что все случится так быстро, и она останется одна так неожиданно и в столь плачевных обстоятельствах. Если честно, она и помыслить не могла, что ее попросту выгонят из дома. Вышвырнут на улицу...

«Как... как...» – она не находила слов, чтобы выразить весь ужас своего положения.

Одна. Без денег и поддержки. Ночью на пустынной улице... Все ее сбережения находились на чердаке, куда сейчас ей хода не было. Там же осталась ее наваха, не говоря уже о сундуках с отличным бельем и замечательными платьями... Воспоминание о платьях напомнило Герде о камерке, которую она снимала у Кирсы. На данный момент пойти туда было самым правильным решением, и, подхватившись, Герда заспешила в сторону Старого рынка и Продажной улицы.

Шла быстро, лихорадочно перебирая в уме события прошедшего дня и пытаясь понять, что пошло не так. Кой черт понес ее в королевский дворец! Что за странная идея, что она должна была попасть туда любой ценой? И вот цена заплачена. Она убила еще одного человека. Но если тот ублюдок, которого Герда зарезала в вечер перед балом, заслуживал смерти, Питер был совершенно не виновен. Она использовала его и этим подвела под петлю, но даже не может сказать, зачем все это было нужно? Что такого случилось тогда в тронном зале, что оправдало бы ее подлость и смерть молодого ни в чем не повинного гвардейца? У Герды не было ответа. Она вообще ничего не понимала. Все было так нелепо, что разум отказывался принимать события прошедшего вечера как обыденную реальность. За что прогневался король? И, если виновница его гнева она, зачем он приговорил к смерти невинного? Что так взбесило барона Гемму? Он ведь и прежде ненавидел Герду, так что такого особенного произошло именно этим вечером, чтобы вышвырнуть ее из дома, словно приبلудную кошку или надоевшую своим лаем собаку?

За размышлениями об этих и подобного рода вещах Герда едва ли не бегом пересекла город и в полночь – часы на башне ратуши как раз пробили двенадцать – добралась до дома Кирсы. Поспешно поднялась к себе в каморку, зажгла свечу и бессильно откинулась на спинку стула.

«Ладно, – подумала она, чувствуя, как от усталости тяжелеют и опускаются ее веки, – утро вечера мудреней. Утром я еще раз все обдумаю...»

Женищина, так похожая на Герду, что никем иным она попросту не могла быть, вошла в каморку, где им вдвоем сразу же стало тесно, и посмотрела вставшей ей навстречу Герде в глаза:

– Ты ведь понимаешь, что король приговорил не только Питера? Тебя он тоже подвел под топор.

Они стояли лицом к лицу, так близко, что дыхание говорившей Герды касалось лица слушающей.

– Как? – не поняла она. – Почему?

– Я не знаю, зачем он это сделал, но я знаю, что он сделал. Ты оскорбила гвардейцев, но это бы они стерпели. Но из-за тебя повесят их товарища. Теперь друзья Питера тебя убьют. Вот что сделал король.

– Что же делать? – испугалась Герда, до которой дошел сейчас весь ужас ее положения.

– Бежать!

– Бежать? – переспросила ошеломленная этим советом Герда. – Куда? Как?!

Женищина, так похожая на нее, что даже дух захватывало, смерила Герду оценивающим взглядом:

– Теперь не время задавать вопросы, – сказала она твердым голосом. – Настало время действовать, и действовать быстро. Не сомневайся. Не останавливайся. Беги!

Герда проснулась, почувствовав, что в комнате уже не одна. Она подняла голову с лежащих на столешнице рук – она так и заснула, сидя за столом, – и посмотрела на вошедшую в ее каморку Кирсу.

– Что? – спросила Герда, удивившись присутствию хозяйки дома. – Уже утро?

– Нет, не думаю, – Кирса смотрела на нее каким-то странным «алчным» взглядом. – Но ты должна уйти.

– Не понимаю. – Герда и в самом деле ничего не понимала. – Что случилось?

– Ты влипла в большие неприятности, девочка, – объяснила старая проститутка. – Я не хочу, чтобы тебя прирезали в моем доме. Так что уходи!

– Кирса!

– Уходи, или я вышвырну тебя силой!

– Но...

– Без «но», барышня, – поморщилась Кирса. – Тебя по всему городу ищут гвардейцы.

– Но куда же я пойду? – Герда все еще не могла взять в толк, что, черт их всех побери, здесь происходит. Отчего все ее гонят, и никто не хочет ей помочь?

«Такова жизнь», – шепнул ей на ухо чей-то знакомый голос. – *Здесь каждый сам за себя».*

Эти слова ее удивили. Не смысл, смысл слов как раз был понятен, и, скорее всего, содержащаяся в них мысль была справедлива. Но это была не ее мысль. Это были слова той другой Герды, с которой она только что говорила во сне.

– Хорошо, – сказала она вслух. – Я уйду. Дай мне только собрать вещи.

– Какие вещи? – зло усмехнулась Кирса.

– Мои, – начиная подозревать недоброе, ответила Герда.

– Тут нет твоих вещей! – отрезала проститутка. – Проваливай, или я тебя выгоню кулаками!

Кирса была крупной женщиной и наверняка умела драться намного лучше Герды. Без ножа справиться с ней нечего было и думать. С ножом, впрочем, тоже.

– Хорошо, – кивнула Герда, понимая, что ни мольбы, ни угрозы делу не помогут, и, протиснувшись мимо занимавшей слишком много места женщины, вышла из каморки.

На улице было темно и холодно. Судя по положению луны, Герда спала совсем чуть-чуть. «Куда же мне идти?»

Было очевидно, в городе сейчас небезопасно, – все-таки ночь не лучшее время для прогулок по темным пустынным улицам, – но утром станет еще хуже. Однако и из города ей не сбежать. Без денег далеко она не уйдет.

«Может быть...» – мелькнула мысль пойти к старику Эггеру, но, во-первых, идти туда было очень далеко, а во-вторых, Герда вспомнила сейчас, как он испугался тайны, связанной с ее матерью.

«Старик трус, – поняла она. – Он не станет мне помогать. И не потому что не захочет, а потому что испугается».

Оставалось, воспользовавшись ночной порой, попробовать попасть в свой дом. В свой бывший дом, разумеется. Но она там, по-любому, жить уже не будет. Герде нужен был только чердак. Ей требовалось добраться до тайника!

* * *

Судя по всему, бог, наконец, отвернулся от Герды. Возможно, это случилось потому, что она и сама с легкостью нарушала законы божеские и человеческие, а может быть, все дело в том, что мир повернулся к ней своим истинным лицом и показал то, что по наивности она не могла увидеть в нем раньше. Калитка в заборе, окружавшем особняк барона Геммы, была заперта, но Герда смогла через нее перелезть. Это было непросто, ведь никогда прежде она этого не делала. Однако ее подвиг оказался напрасным, потому что дверь в дом была закрыта изнутри. Стоя перед запертой на засов дверью, Герда испытала мгновенное чувство отчаяния такой силы, что у нее помутилось в глазах. Потом на смену отчаянию пришел жаркий, всепоглощающий гнев, и она окончательно перестала понимать, где она, что делает и зачем.

Очнулась Герда на черной лестнице. Как она смогла пройти через запертую изнутри дверь, она не помнила. В памяти не осталось ровным счетом ничего определенного о тех нескольких минутах, которые должны были ей понадобиться, чтобы добраться до третьего этажа. Смущало еще и то, что снизу отчетливо пахло гарью. Удушливый черный дым поднимался откуда-то от кухни или от кладовой.

«Пожар?!»

Это действительно было похоже на пожар, но если это правда, в распоряжении Герды оставались считанные минуты, потому что потом проснутся домочадцы, да и огонь может слишком быстро добраться до чердака. А ей еще и удрать надо было успеть. Сообразив, что к чему, Герда опрометью бросилась к тайному лазу, забралась на чердак, уже ощущая и здесь сильный запах дыма, протиснувшись мимо баррикады из старой мебели и наконец добралась до своего логова. Времени на размышление уже практически не оставалось. Она вытащила из-под канапе большой кожаный саквояж – единственную вещь здесь, которая не принадлежала ее покойной матери, – и первым делом сбросила в него содержимое тайника и пачку писем, хранившихся в одном из ящиков секретера. Затем, тревожно пригнувшись к воздуху, который все более отчетливо пах дымом, Герда запихала в саквояж одно из платьев, сапожки и какое-то нижнее белье и, схватив напоследок сверток с оружием, бросилась прочь.

Внизу уже было шумно от криков и топота ног, язычки пламени виднелись в коридоре второго этажа, и черный жирный дым заволакивал почти весь первый этаж. Выйти на задний двор оказалось невозможно, так как кухня и прилегающие к ней помещения были объаты пла-

менем. Шарахнувшись в сторону от пробежавшего по коридору слуги, Герда оказалась в буфетной, через которую, двигаясь по памяти – дым застилал глаза, – выбежала в столовую и уже через нее добралась до прихожей. Там она смогла открыть окно и, перевалившись через подоконник, упала на клумбу. Вскочила на ноги, пробежала через палисадник, распахнула боковую калитку, выводящую прямо на Кленовую аллею, и бросилась наутек. Бежала долго, стараясь держаться ближе к деревьям или к стенам домов, сделав лишь одну короткую остановку. Ночной город был по-прежнему опасен для одинокой девушки, несущей к тому же объемистый саквояж. Опустившись на траву под одной из лип, Герда на ощупь достала из сумки сверток с оружием. В кусок тонкой кожи, предназначавшейся, как видно, для пошива зимних перчаток, были завернуты памятная наваха, изящный дамский стилет, найденный в одном из сундуков, и рыцарский трехгранный кинжал-мизерикорд с длиной клинка в целый фут. Этот кинжал Герда нашла на чердаке недалеко от того места, куда были свалены вещи ее матери. Завернутый в белую, побуревшую от крови тряпицу, он был засунут в щель между досками пола. На клинке тоже осталась засохшая кровь. Герда не знала, ни чья это кровь, ни того, что за преступление скрывалось за этой странной находкой. Двигимая интуицией, она сохранила окровавленную тряпицу, – сейчас она лежала в свертке вместе с оружием, – но мизерикорд от крови отчистила, а позже купила для него у оружейника старые потертые ножны и узкий ремень. Сейчас Герда спрятала наваху в кармашек на платье, а ремешком на рыцарский манер опоясалась так, чтобы кинжал был под рукой. После этого плотнее запахнулась в плащ – на улице было по-осеннему холодно, – подхватила саквояж и пошла быстрым шагом к дому Кирсы. И дело было, разумеется, не в том, что она собиралась отомстить старой проститутке, а в том, что в ее камерке оставались кое-какие вещи, необходимые ей для бегства из города.

Добравшись до дома Кирсы, Герда прислушалась к пьяным выкрикам, доносившимся из комнат первого этажа, и, обойдя дом, поднялась в свою каморку. Вернее, в узкий коридор, куда выходила дверь этой маленькой комнаты – сейчас распахнутая, – и другая, ведущая в комнаты Кирсы. Сама Кирса сидела на стуле Герды и рассматривала ее вещи, небрежно высыпаемые на стол из дорожного несессера: костяные гребни, серебряные заколки, ножницы и пилку для ногтей, баночки с гримом и ее украшения, золотую и серебряную брошь и несколько наборов серег. Герда тихо поставила саквояж на пол и, достав наваху, подошла к увлеченной своим занятием женщине.

– Сиди тихо! – сказала она, приставив лезвие к горлу Кирсы. – Видит бог, хоть ты и хотела меня обворовать, убивать я тебя не хочу. Но не сомневайся, рыпнешься – убью.

– Девочка, да я...

– Молчи! – остановила ее Герда. – Твое вранье мне не интересно. Вставай, но медленно.

Кирса встала со стула и попыталась было вырваться из захвата, но Герда с ней церемониться не стала, разрезав кожу на горле, и старая шлюха тут же послушно замерла.

– Идем к тебе! – приказала Герда, и они медленно двинулись в комнаты Кирсы.

– У меня кровь идет...

– Сама виновата! Иди!

Но, войдя в комнату, служившую Кирсе столовой, Герда растерялась. Она не знала, что ей теперь делать. Она не могла отвести нож от горла женщины, но в то же время не могла ее и связать, держа одну руку на плече, а вторую – с ножом – у горла. Кирса это поняла, все-таки опытная женщина, и не на шутку занервничала.

– Э... Слышь, девонька! – запричитала она. – Ты только не торопись меня резать! Не бери грех на душу. А связать меня несложно. Я тебе помогу.

– Помогай!

– Сейчас надо подойти к тому сундуку, что под окном.

– Что дальше?

– Я откину крышку. Медленно.

– Что там?

– Там веревка.

– Открывай, – разрешила Герда, на всякий случай усиливая хватку.

Но Кирса не обманула. Достала, не делая резких движений, веревку, сделала затягивающую петлю и надела себе на шею, перебросив конец через плечо. Герда смысл этих действий поняла без объяснений и, усадив Кирсу на стул, затянула петлю, привязав конец веревки к одной из задних ножек.

– Разумно, – согласилась с очевидным.

Теперь Кирсу можно было хотя бы на короткое время оставить сидеть одну, привязывая к стулу ее руки и ноги. И в самом деле, так дело пошло быстрее, и через пару минут проститутка оказалась накрепко привязана к стулу, а рот ей Герда заткнула куском тряпки.

– Посиди пока тут, – бросила она, выходя из комнаты, и быстро вернулась в свою каморку.

Здесь Герда привела себя в порядок. Выбелила лицо, накрасила губы и глаза, осветлила волосы. Затем переоделась в дорогу. Надела правильное белье, теплое зимнее платье и высокие шнурованные сапожки на низком каблуке. Кошель с ценностями спрятала под широкой юбкой, прицепив к специальному кожаному поясу, надевавшемуся ниже талии, почти на самых бедрах. Вещь эта принадлежала ее матери и, вероятно, предназначалась ровно для тех же целей, для которых использовала его Герда. При ходьбе он не мешал, а два кошель и мизерикорд в ножнах под подолом были совершенно не видны. Наваху она вложила в кармашек, спрятанный на платье, кошель с деньгами на дорогу прицепила к ремешку с серебряными накладками, надетому на талии. Подорожную и еще один кошелек с небольшой суммой в золоте Герда спрятала во внутренний карман плаща, но не того, в котором ходила во дворец, а другого – попроще и потеплее, – темно-зеленого с плотной шерстяной подкладкой. Перебрала вещи, укладывая их в саквояж уже не лишь бы как, а как надо.

Потом заглянула к Кирсе, убедилась, что та не развязалась и не вытолкнула изо рта кляп, надела перчатки, набросила на голову капюшон плаща и, подхватив довольно тяжелый саквояж, ушла из дома Кирсы, чтобы еще через час – уже на рассвете, – сесть недалеко от того места, где познакомилась давеча с графом Давыдовым, на дилижанс, отправляющийся в порт Нелис. До границы с княжеством Роан было три дня пути, и еще двое суток от пограничного городка Керан до порта Нелис, откуда даже по осени корабли регулярно отплывали в Горанд, куда, собственно, и направлялась теперь Герда.

Глава 3

Беглянка

1

Путешествовать оказалось не столько интересно, сколько утомительно. Возможно, если ехать в собственной карете, вроде той, в которой прокатил ее граф Давыдов, неторопливое перемещение в пространстве способно развеять скуку и даже послужить источником немереного удовольствия для тех немногих, в ком развито эстетическое чувство. Но в дилижансе было тряско, душно и плохо пахло, при том, что сквозняки свободно гуляли на уровне щиколоток, так что у Герды мерзли ноги. Кожаных сапожек здесь явно было недостаточно, но других у нее не было. У нее на данный момент вообще имелась всего одна пара обуви, и это были именно те сапожки, которые она надела в дорогу. Итак, ей было холодно и душно. Соседи пахли потом, давно не стиранной одеждой и немытым телом. Дилижанс трясло на плохой дороге, и от долгого сидения на одном месте начинала затекать спина. И в дополнение ко всем прочим неудобствам, на второй день путешествия у Герды начались «лунные» дни. Так что в Нелис она приехала усталой и раздраженной.

Настроение у нее было скверное, – не таким она представляла себе «бегство к свободе», – и оно не улучшилось, когда выяснилось, что пакетбот в Горанд выйдет в море не раньше чем через два-три дня. Корабль сильно потрепало бурей во время последнего перехода в Нелис, и сейчас он ремонтировался. Тем не менее, поскольку других okazji в ближайшее время попросту не предвиделось, Герда заранее купила себе место на пакетботе и, решив, что нет худа без добра, пошла искать приличную гостиницу. Ей хотелось смыть с себя пот и дорожную пыль, отдохнуть и согреться, выспаться в нормальной кровати и съесть что-нибудь более вкусное, чем то, чем кормили в придорожных харчевнях, около которых имел обыкновение останавливаться дилижанс. Возможно, что на тех станциях имелись и другие трактиры, отличавшиеся большей чистотой и более разнообразным меню, но Герда боялась далеко отходить от дилижанса и старалась держаться в виду других пассажиров. Мир, в который она так неожиданно попала, был слишком велик для нее, незнаком и, скорее всего, чрезвычайно опасен. Герда была незнакома с правилами игры, не слишком хорошо ориентировалась в сложившихся обстоятельствах и многого попросту не понимала.

Она не знала, что правильно, а что нет. Как можно поступать, а как нельзя. С одной стороны, она боялась удалиться от гавани, в которой стоял ее корабль, – ей казалось вероятным, что он может отплыть без нее, – но, с другой стороны, улицы, примыкающие к порту, выглядели непрезентабельно и опасно, то есть почти так же, как в Эриноре, в трущобах Приречной слободы и на Медовой горке. В конце концов, ее сомнения разрешились в пользу чистоты и безопасности, и, взяв извозчика, Герда попросила отвезти ее в хорошую гостиницу на «богатой» улице. Как ни странно, извозчик понял ее правильно и, ничуть не удивившись, привез к гостинице, располагавшейся в приятном на вид трехэтажном здании, стоящем на широкой чистой улице, выходящей на Ратушную площадь. Правда, цены в отеле оказались довольно высокими, но Герда решила, что оно того стоит, и сняла небольшую комнату на третьем этаже за один серебряный грош в день. Кроме самой комнаты в плату входили кувшин холодной воды утром и горячей – вечером, а также завтрак и ужин. Однако после такого долгого, утомительного и грязного путешествия, какое претерпела Герда, она нуждалась в чем-то большем, чем кувшин горячей воды. И это оказалось вполне достижимо, поскольку в такой гостинице, как «Морская черепаха», для этих целей имелась собственная мыльня. Так что, заплатив еще

один серебряный грош, уже буквально через полчаса Герда сидела в медной ванне, наполненной по-настоящему горячей водой, и у нее был брусок пахучего жасминового мыла, губка с южных островов и полотняная простыня, чтобы обернуться после «омовения», как выразился распоряжавшийся здесь всем «господин банщик».

В общем, все было просто замечательно, если бы не одно, но весьма неприятное для Герды обстоятельство: мыльня была общей. В ней стояли четыре большие ванны, в которых одновременно мылись и мужчины, и женщины. Правда, некое подобие приватности все-таки соблюдалось: на натянутых между стен веревках висели занавеси, делившие общее пространство на маленькие кабинки, в каждой из которых находились ванна и лавка, на которую можно было сложить одежду и личные вещи. Так что постояльцы гостиницы друг друга не видели, но Герду нервировало то обстоятельство, что она сидит в горячей воде совершенно голая, а за тонкой занавеской намыливается какой-нибудь незнакомый мужчина. Впрочем, будь он знакомым, Герда переживала бы еще больше. В любом случае, опасаясь возможных осложнений, она положила на полку в изголовье, где стояла зажженная свеча и лежали банные принадлежности, свой трехгранный мизерикорд. Береженого, как говорят в Эриноре, и бог бережет.

Между тем горячая вода начала убаюкивать уставшую с дороги и порядком перенервничавшую Герду, и, наверное, еще немного и она проснулась бы в совершенно остывшей воде, но ее внимание привлекли знакомые голоса. В относительно небольшом помещении слышимость, понятное дело, была просто замечательная. Беседовали мужчина и женщина, находившиеся, по всей видимости, в смежных закутках. Говорили они по-вентийски, но этот язык является близкородственным горанду, и Герда их неплохо понимала. Разговор носил характер легкой пикировки в несколько излишне куртуазной манере, временами переходящей в откровенную непристойность. Пока дама – а это, как показалось Герде, была знакомая ей по королевскому балу виконтесса Серафина де Райер, – описывала кавалеру свою «впечатляющую наготу», слушать ее было более чем любопытно. Но когда слово взял маркиз дю Конде, Герда, что называется, покраснела до корней волос. Это было слишком откровенно даже для нее, а ведь она слышала кое-какие эпитеты из уст Кирсы и других шлюх. Но Герда и представить себе не могла, что кто-то может так долго, так красноречиво и с таким упоением рассказывать о своем члене. Смущение ее было так велико, что она хотела было прервать этот словесный поток, окликнув людей, вместе с которыми веселилась в Эриноре на королевском балу, но вовремя вспомнила, что они вряд ли узнают в этой Герде ту Маргерит, с которой они познакомились в королевском замке. Поэтому она взяла в руки губку и мыло и, стараясь не вслушиваться во все те пошлости, которые без стеснения произносили вслух виконтесса и маркиз, принялась смывать с себя грязь.

Вскоре она вылезла из ванны, чувствуя себя посвежевшей и жалея только о том, что не удалось вымыть волосы, но у нее была слишком длинная и слишком толстая коса, чтобы заниматься сейчас еще и этим. Герда обтерлась, завернувшись в простыню, сменила белье, – портье обещал позаботиться о стирке грязного, – обулась, надела платье. В отсутствие плаща шерстяной длиннополый кардиган, дополнявший ее наряд, не только согревал – все-таки осень на дворе, – но и отлично прикрывал от любопытных взглядов кошель и кинжал, который, оказавшись в чужих краях, она решила носить не под юбкой, а снаружи. Теперь она была готова выйти в большой мир, но покинув мыльню, Герда первым делом нос к носу столкнулась с маркизом дю Конде. Впрочем, с тем же успехом она могла повстречать какого-нибудь незнакомца. Маркиз ее не узнал. Прошел мимо, даже не удостоив взглядом. Однако Герда от этого не расстроилась. Напротив, она воодушевилась. Если бы он ее узнал, это могло бы стать проблемой. А так, никому не известная в этих краях Александра-Валерия ди Чента сможет вести скромную жизнь молодой незамужней женщины, путешествующей по семейным делам, что, в сущности, являлось истинной правдой.

Герда планировала добраться до Ароны – крупнейшего города-порта Великого герцогства Горанд. В нескольких старых письмах, сохранившихся в материнском секретере, был указан адрес отправителя: некая Мойра де Орфей, называвшая Александру-Валерию сестрой, проживала в Ароне в доме Примо ди Чента на Маячной набережной. Эта женщина писала ее матери добрые и веселые письма, в которых, впрочем, было много намеков на какие-то одним им известные обстоятельства. Мойра в чем-то укоряла «упрямую Сандрин», о чем-то напоминала «милый Але» и от чего-то предостерегала свою младшую сестру. Были там и другие намеки, но Герда даже предположить не могла, о чем в этих письмах идет речь. Кроме того, Мойра много раз упоминалась в дневнике Александры-Валерии, но, не зная контекста, эти упоминания также оставались пустым звуком. С определенностью можно было утверждать лишь то, что Мойра живет в Ароне, – во всяком случае, жила там лет двадцать назад, – и что, скорее всего, мать Герды и эта женщина родные сестры. И, если это так, то Мойра де Орфей являлась для Герды единственной родной душой во всем мире и единственным человеком, к которому Герда могла сейчас обратиться за помощью.

Мир, в котором она оказалась, сбежав из Эринора, пугал ее своими размерами, неизвестными опасностями и неопределенностью ее собственного будущего. Совершив несколько отчаянных поступков, убив двух молодых мужчин и спалив отчий дом, она бежала из своего прежнего мира без оглядки. Но теперь, когда Эринор остался позади и она обрела неожиданную свободу, Герда ощутила совершенную растерянность. Не имея опыта, не зная многого из того, что должен знать пускающийся в дорогу путник, она начала сомневаться в любом принятом ею решении. И эта неуверенность в себе пугала ее больше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.